Тайна Найтингейла

Автор:
Филлис Дороти Джеймс

Тайна Найтингейла

Филлис Дороти Джеймс

Адам Дэлглиш #4

Загадочные убийства происходят в Доме Найтингейла – учебном заведении в самом центре Англии, где готовят сестер милосердия. Неуловимый преступник жестоко расправляется с девушками, призванными облегчать чужую боль и страдания. Похоже, он пытается доказать: лучшее лекарство от всех болезней – смерть…

Адам Дэлглиш сможет остановить убийцу, только если сумеет проникнуть в тайный мир Дома Найтингейла – мир скандальных страстей, секса, насилия и… стыда.

Филлис Джеймс

Тайна Найтингейла

P. D. James

SHROUD FOR A NIGHTINGALE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Greene and Heaton Ltd., Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Серия «Ф. Д. Джеймс – королева английского детектива»

© P. D. James, 1971

© Перевод. О. А. Янковская, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Глава первая

Наглядный урок смерти

I

В день первого убийства мисс Мюриел Бил, инспектор медицинских училищ от Генерального совета медицинских сестер, проснулась в начале седьмого утра, и медленно, словно продираясь сквозь остатки сна, в ее сознании шевельнулась мысль о том, что сегодня понедельник, двенадцатое января – день инспекции в больнице Джона Карпендара. Она уже отметила про себя первые звуки начинающегося дня: вот щелкнул будильник Анджелы, который та выключила чуть ли не раньше, чем услышала звонок; вот сама Анджела, посапывая, чуть слышно передвигается по квартире, словно неуклюжий и добродушный зверь; вот приятное позвякивание, предвещающее приготовление утреннего чая. Она заставила себя открыть глаза, сопротивляясь предательскому желанию вползти поглубже в обволакивающее тепло постели и позволить себе опять унестись в блаженное забытье. И как это ее угораздило сказать главной сестре Тейлор, что она приедет в самом начале десятого, чтобы успеть поприсутствовать на первом занятии учащихся третьего курса? Вовсе не обязательно и даже глупо ехать в такую рань. Больница находится в Хедерингфилде, на границе между Суссексом

и Гемпширом, – это почти пятьдесят миль пути, часть которого придется преодолеть еще затемно. К тому же идет дождь: с унылым упорством он шел всю последнюю неделю. (Она слышала отдаленное шипение автомобильных шин на Кромвел-роуд да редкие удары дождевых брызг по окну.) Еще слава богу, она потрудилась посмотреть карту Хедерингфилда, чтобы выяснить точное месторасположение больницы. В дождливое утро развивающийся торговый город, особенно незнакомый, может оказаться для автомобилиста настоящим лабиринтом, где уйму времени потеряешь в заторах. Она чувствовала, что предстоит трудный день, и вытянулась под одеялом, как бы собираясь с духом. Разжимая скрюченные пальцы, она испытывала некоторое удовольствие от кратковременной острой боли в расправленных суставах. Начинающийся артрит. Что ж, этого следовало ожидать. В конце концов, ей уже сорок девять. Пора бы и поберечь себя немного. И с чего это она взяла, что сможет добраться до Хедерингфилда не позже половины десятого утра?

Открылась дверь, впустив в комнату луч света из коридора. Мисс Анджела Бэрроуз раздвинула занавески, оглядела черное январское небо и забрызганное дождем окно и опять сдвинула их.

– Дождь идет, – сказала она с мрачным удовлетворением человека, который предсказывал дождь и не виноват, что на его прогноз не обратили внимания. Мисс Бил приподнялась на локте и включила лампу на ночном столике. Через несколько секунд ее подруга вернулась и поставила на стол поднос с чаем. Поднос был покрыт вышитой льняной салфеткой, чашки с цветочным рисунком поставлены так, что их ручки смотрели в одну сторону, четыре печенья на тарелочке с тем же рисунком положены аккуратно, по два каждого сорта, а от чайника исходил тонкий аромат свежезаваренного индийского чая. У обеих женщин было пристрастие к комфорту и привычка к чистоте и порядку. Нормы, введенные ими когда-то в отделении для платных пациентов в клинике, где они преподавали, соответствовали их собственным представлениям о комфорте, так что жизнь в квартире не отличалась от жизни в дорогой частной лечебнице.

Мисс Бил жила в одной квартире со своей подругой с тех самых пор, как они вместе окончили училище, – уже двадцать пять лет. Мисс Анджела Бэрроуз была директором медицинского училища при лондонской клинике. Мисс Бил считала ее образцовой наставницей и во время инспекции подсознательно основывала свои оценки на частых высказываниях подруги о принципах правильного обучения медсестер. Со своей стороны, мисс Бэрроуз не могла представить себе, что станется с Генеральным советом медицинских сестер, когда придет время

мисс Бил уйти на пенсию. Самые счастливые браки держатся на таких утешительных иллюзиях, и взаимоотношения мисс Бил и мисс Бэрроуз, носившие совершенно иной, хотя и самый невинный характер, строились на том же фундаменте. Но пожалуй, если не считать тайного восхищения друг другом, во всем остальном они были очень разные. Мисс Бэрроуз, крепкая, коренастая, внушительных размеров женщина, скрывала ранимую, чувствительную душу под маской грубого здравого смысла. Маленькая, похожая на птичку мисс Бил отличалась четкостью речи и движений и потугами на старомодную аристократичность, отчего иногда производила довольно комичное впечатление. Даже внутренние ритмы были у них разные. Грузная мисс Бэрроуз просыпалась по первому звонку будильника, немедля принималась за дела и была весьма энергична до вечернего чая, после чего впадала в сонливую апатию. Мисс Бил каждый день с трудом разлепляла веки, буквально заставляя себя производить все необходимые с утра действия, зато чем ближе к вечеру, тем становилась бодрее и оживленнее. Но даже к этой несовместимости они сумели приспособиться. Мисс Бэрроуз с радостью готовила утренний чай, а мисс Бил мыла посуду после ужина и варила какао перед сном.

Мисс Бэрроуз налила чай в обе чашки, положила в чашку подруги два куска сахару и, взяв свою, села на стул возле окна. Выработанная с юных лет привычка не позволяла ей садиться на кровать.

– Тебе сегодня рано выходить, – сказала она. – Я, пожалуй, приготовлю тебе ванну. Когда там начало?

Мисс Бил еле слышно пробормотала, что пообещала главной сестре приехать часов в девять. Сладкий чай приятно восстанавливал силы. И хотя обещание выехать в такую рань было ошибкой, мисс Бил теперь уже надеялась, что сможет добраться до места к 9.15.

– Это ведь Мэри Тейлор? У нее замечательная репутация для главной сестры провинциальной больницы. Удивительно, что она до сих пор не перебралась в Лондон. Даже не подала заявление на нашу вакансию, когда мисс Монтроуз ушла на пенсию.

В ответ мисс Бил пробормотала нечто невнятное, но так как они уже и раньше обсуждали эту тему, мисс Бэрроуз безошибочно поняла ее возражения: не все, мол, рвутся в Лондон, и вообще люди слишком привыкли считать, что в провинции никогда не появляется ничего выдающегося.

– Это, конечно, верно, – согласилась подруга. – А клиника Джона Карпендара очень удачно расположена. Мне нравится эта местность на границе Гемпшира. Жаль, что ты едешь туда не летом. И все же это совсем не то, что быть главной сестрой в какой-нибудь крупной клинике. С ее способностями она легко добилась бы этого – уже могла бы стать одной из великих Главных сестер.

В студенческие годы они с мисс Бил настрадались от рук одной из великих Главных сестер, но не переставали сокрушаться по поводу вымирания этой вселяющей ужас породы людей.

– Кстати, тебе лучше выехать пораньше. Дорога будет перегружена уже перед самым Гилдфордским объездом.

Мисс Бил не спрашивала, откуда ей известно, что дорога будет перегружена. Просто мисс Бэрроуз всегда знала такие вещи. Она энергично продолжила:

– На этой неделе я встретила Хилду Ролф, тамошнюю директрису, в Вестминстерской библиотеке. Удивительная женщина! Умница, конечно, и, говорят, первоклассный преподаватель, но, мне кажется, она наводит ужас на учащихся.

Мисс Бэрроуз сама наводила ужас на учащихся, не говоря уж о большинстве ее коллег-преподавателей, но весьма удивилась бы, если б ей об этом сказали.

– Она говорила что-нибудь об инспекции? – спросила мисс Бил.

– Упомянула лишь мельком. Она возвращала книгу и очень торопилась, так что мы говорили недолго. Кажется, у них в училище эпидемия гриппа и половина преподавателей больны.

Мисс Бил показалось странным, что, несмотря на такие трудности с преподавателями, директриса нашла время приехать в Лондон, чтобы поменять библиотечную книгу, но она ничего не сказала. До завтрака мисс Бил предпочитала не говорить, а думать – берегла силы. Мисс Бэрроуз подошла к столу, чтобы налить по второй чашке чаю.

– В такую-то погоду да при отсутствии половины преподавателей тебе, похоже, предстоит довольно скучный день, – сказала она.

Но – как потом вспоминали они в течение многих лет, по привычке пересказывая друг другу давно известные вещи (что является одним из развлечений при длительной совместной жизни), – вряд ли она могла быть более далека от истины. Мисс Бил, которая не ожидала в этот день ничего неприятного, кроме утомительной дороги за рулем, напряженной работы и возможных споров с теми членами больничного комитета по подготовке медсестер, которые возьмут на себя труд при этом присутствовать, натянула на плечи халат, сунула ноги в тапочки и пошлепала в ванную. Это были ее первые шаги на пути к тому, чтобы стать свидетелем убийства.

II

Несмотря на дождь, дорога оказалась не такой трудной, как опасалась мисс Бил. Ехала она быстро и около девяти часов была в Хедерингфилде, попав как раз к последней волне утреннего часа пик. Широкое шоссе было запружено машинами. Женщины отвозили своих мужей, работающих в Лондоне, на вокзал или детей в школу, фургоны доставляли продукты, автобусы выгружались и загружались новыми пассажирами. У трех светофоров улицу пересекали потоки людей, спасавшихся от мелкого дождя под зонтиками. Юноши, скорее всего ученики частных школ, были в щеголеватых, с иголочки, формах; большинство мужчин – в котелках и с портфелями; женщины одеты буднично-небрежно, с типичным для них умением достичь приятного компромисса между городской элегантностью и деревенской простотой. Следя за светофорами, переходящими улицу пешеходами и высматривая указатель поворота к больнице, мисс Бил могла лишь мельком заметить изящную ратушу восемнадцатого века, ряд хорошо сохранившихся домов с деревянными фасадами и великолепный готический шпиль церкви Святой Троицы; но все же у нее создалось впечатление, что вполне преуспевающий город заботится о сохранении архитектурного наследия, хотя ряд современных фирменных магазинов в конце Главной улицы наводил на мысль, что такая забота могла бы начаться лет на тридцать пораньше.

Вот наконец и указатель. Дорога к больнице Джона Карпендара шла от конца Главной улицы между двумя рядами деревьев. Слева была высокая каменная стена, огораживающая территорию больницы.

К работе мисс Бил подготовилась основательно. В ее пухлом портфеле на заднем сиденье машины имелась достаточно подробная справка об истории больницы, а также копии последнего отчета инспектора Генерального совета медицинских сестер и объяснительной записки администрации больницы относительно того, насколько возможно выполнить оптимистические рекомендации инспектора. Как она узнала в результате своих изысканий, у этой больницы долгая история. Она была основана в 1791 году богатым торговцем, который родился в этом городе и бедным юношей отправился на поиски счастья в Лондон, а отойдя от дел, вернулся сюда, чтобы насладиться возможностью покровительствовать городу и поражать воображение соседей. Он мог бы приобрести известность и обеспечить себе спасение души, оказывая помощь вдовам и сиротам или перестроив старую церковь. Но век науки и здравого смысла шел на смену веку религии, стало модным жертвовать капитал на содержание больниц для бедняков. И тогда у Джона Карпендара родилась мысль о строительстве больницы, что и было объявлено на непременном в таких случаях собрании граждан в местном кафе. Первоначального здания, представлявшего некоторый интерес с точки зрения архитектуры, уже давно не существовало: его сменило сначала массивное викторианское строение – монумент показному благочестию, а потом – нечто более функциональное и непривлекательное, характерное для двадцатого века.

Больница всегда процветала. Местная община состояла в основном из преуспевающих представителей среднего класса с хорошо развитым чувством милосердия, для которого явно не хватало объектов приложения. Незадолго до Второй мировой войны было пристроено крыло с хорошо оборудованным отделением для частных пациентов. И до и после введения системы государственного здравоохранения оно привлекало состоятельных пациентов и, следовательно, известных консультантов не только из Лондона, но и из других городов. Анджела может сколько угодно говорить о престиже лондонской клиники, размышляла мисс Бил, но у больницы Джона Карпендара своя репутация. Так что быть главной сестрой районной многопрофильной больницы, которая на хорошем счету у тех, для кого предназначена, расположена в красивом месте и сильна своими местными традициями, совсем неплохо для женщины.

Но вот и главные ворота. Слева от них сторожка привратника – этакий кукольный домик из выложенного мозаикой кирпича, оставшийся от больницы викторианских времен, а справа – стоянка автомашин для врачей. Около трети пронумерованных мест на ней было уже занято «даймлерами» и «роллс-ройсами». Дождь кончился, и рассвет сменился привычной сумрачностью

январского дня. Во всех окнах больницы горел свет. Она походила на стоявший на якоре большой, ярко освещенный корабль, в котором кипит не видимая снаружи энергичная работа. Слева шли низкие, с окнами во всю стену, строения новой поликлиники. К входу уже вяло тянулись тоненьким ручейком пациенты.

Мисс Бил подъехала к привратницкой, опустила окно в машине и назвала себя. Солидный привратник, полный сознания своей важности, соблаговолил выйти и предстать перед ней собственной персоной.

– Вы будете из Генерального совета медицинских сестер, мисс? – произнес он напыщенно. – Очень жаль, что вы решили въехать в эти ворота. Медучилище находится в Доме Найтингейла – это примерно в ста ярдах от ворот по Винчестер-роуд. Когда нужно попасть в Дом Найтингейла, мы всегда пользуемся задними воротами.

В голосе его слышалась укоризненная покорность, словно он сожалел о ее исключительной бестолковости, из-за которой ему придется проделать лишнюю работу.

– Но я, наверно, могу попасть в училище и с этой стороны?

Мисс Бил не испытывала ни малейшего желания возвращаться в сутолоку Главной улицы, ни намерения кружить вокруг территории больницы в поисках каких-то неведомых задних ворот.

– Пожалуй, можете, мисс. – Тон привратника подразумевал, что только несговорчивые упрямцы могут пойти на такое, и он склонился к дверце машины, точно собирался сообщить сложные секретные инструкции. Инструкции, однако, оказались на удивление простыми. Дом Найтингейла находился на территории больницы, позади новой поликлиники. – Поезжайте налево по этой дороге, никуда не сворачивая, мимо морга, до жилого корпуса медперсонала. Потом поверните направо. Там на развилке указатель. Не пропустите.

На сей раз безапелляционность его утверждения казалась оправданной. Обширная заросшая территория больницы представляла собой смесь традиционного английского парка, лужаек и небольших рощиц, что напомнило мисс Бил территорию старой психиатрической больницы. Редко можно встретить больницу общего типа, занимающую такую большую площадь. Здесь пролегало

несколько дорог, но на всех стояли указатели, и лишь одна вела влево от новой поликлиники. Морг узнать было легко: уродливая приземистая постройка, тактично расположенная среди деревьев и казавшаяся еще более зловещей из-за своей уединенности. Новый многоквартирный дом для врачей тоже ни с чем не спутаешь. Мисс Бил успела дать волю своему обычному и часто совершенно неоправданному возмущению по поводу того, что больничная администрация неизменно проявляет большую готовность строить новые дома для своих врачей, нежели обеспечить надлежащим помещением медицинское училище, прежде чем заметила обещанный указатель. Покрашенная белой краской дощечка с надписью «Дом Найтингейла. Медицинское училище» указывала направо.

Мисс Бил переключила скорость и осторожно повернула. Теперь дорога пошла узкая и извилистая, стиснутая с обеих сторон высокими валами мокрой листвы, так что на ней едва хватало места для одной только машины. Кругом были сырость и запустение. Деревья близко подступали к дороге, их ветви переплетались над ней, образуя темный туннель с ребрами из мощных черных сучьев. Время от времени сильный порыв ветра сбрасывал на крышу машины горсть дождевых капель или расплющивал на ветровом стекле опавший лист. На траве вдоль дороги выделялись рубцы цветочных грядок – правильные, похожие на могилы прямоугольники, в которых торчали чахлые кустики. Под деревьями было так темно, что мисс Бил включила подфарники. Дорога светилась перед ней, словно промасленная лента. В открытое окно машины, перебивая всегдашний запах бензина и нагревшейся искусственной кожи, тянуло сладковато-грибным душком прели. В этой сумеречной тишине мисс Бил почувствовала себя оторванной от всего мира, и вдруг ее охватил безотчетный страх, будто она летит в другом, вневременном измерении, все вперед и вперед, навстречу чему-то ужасному, непонятному и неизбежному. Это безумие длилось не больше секунды, и она быстро стряхнула его, напомнив себе о суетливой оживленности Главной улицы меньше чем в миле отсюда, о близости жизни и движения. Но все же это было странное ощущение, которое привело ее в замешательство. Рассердившись на себя за то, что поддалась отвратительному наваждению, она закрыла окно машины и нажала на акселератор. Машина рванулась вперед.

Неожиданно мисс Бил обнаружила, что уже миновала последний поворот и Дом Найтингейла прямо перед ней. От удивления она чуть ли не стоя нажала на тормоз. Это был необычный дом: огромное здание красного кирпича в викторианском стиле, причудливо орнаментированное и увенчанное четырьмя огромными башнями. В это пасмурное январское утро во всех окнах горел свет, и после кромешной тьмы дороги дом засверкал перед ней, словно замок из какой-

то детской сказки. С правой стороны вплотную к дому примыкала огромная оранжерея, что, подумала мисс Бил, выглядело более подходящим для Кью-Гарденз[1 - Большой ботанический сад в Лондоне. Основан в 1759 г.], а не для сооружения, явно бывшего когда-то частным особняком. Оранжерея была не так ярко освещена, как дом, но сквозь тускло светящиеся стекла она разглядела глянцевые зеленые листья аспидистры, кроваво-красные пуансетии и бронзово-желтые шарики хризантем.

Пораженная видом Дома Найтингейла, мисс Бил напрочь забыла о паническом страхе, который на какое-то мгновение охватил ее на дороге под деревьями. Доверяя обычно собственному вкусу, она была все же довольно восприимчива к причудам моды и теперь с беспокойством прикидывала, поймут ли ее знакомые, если она станет восхищаться при них этим домом. Но у нее уже вошло в привычку рассматривать каждое здание с точки зрения его пригодности для медицинского училища – однажды, отдыхая в Париже, она сама ужаснулась, заметив, что забраковала Елисейский дворец как сооружение, не достойное внимания, – а для медицинского училища Дом Найтингейла совершенно не годился. Ей достаточно было лишь взглянуть на него, как в голову моментально пришли возражения. Наверняка почти все комнаты здесь слишком большие. Где, например, найти уютные помещения для кабинетов директора, инструктора по практике или секретаря? Потом, это здание наверняка очень трудно как следует прогреть, а вон те эркеры, хоть и прибавляют живописности зданию в глазах ценителей, скорее всего дают слишком мало света. И что еще хуже – в облике дома есть что-то отталкивающее, даже пугающее. При том что представительницы нашей Профессии (игнорируя сомнительные аналогии, мисс Бил всегда представляла себе это слово с большой буквы) с таким трудом пробивали дорогу к высотам двадцатого века, сметая со своего пути камни устаревших представлений и методов – к мисс Бил часто обращались с просьбами выступить, и некоторые полюбившиеся фразы из собственных речей обычно застревали у нее в голове, – просто обидно помещать юных учениц в эту викторианскую громадину. Нелишне будет внести в свой отчет замечания о необходимости нового здания для училища. Дом Найтингейла был решительно забракован еще до того, как она вошла в него.

Зато к приему, оказанному ей, нельзя было придраться. Едва она поднялась на верхнюю ступеньку, как тяжелая дверь распахнулась, выпустив волну теплого воздуха и аромат свежего кофе. Одетая в форму горничная почтительно посторонилась, а позади нее, спускаясь по широкой дубовой лестнице и светясь на фоне темных деревянных панелей подобно портрету эпохи Ренессанса в серо-золотистых тонах, появилась главная сестра Мэри Тейлор с радушно протянутой

вперед рукой. Мисс Бил профессионально улыбнулась лучезарной улыбкой, выражающей одновременно радужные надежды и уверенность, что все будет хорошо, и шагнула навстречу главной сестре. Злополучная инспекция медицинского училища Джона Карпендара началась.

III

Через пятнадцать минут четыре человека спустились по главной лестнице в демонстрационную комнату на первом этаже, где они должны были присутствовать на первом в этот день учебном занятии. Кофе был подан в гостиной главной сестры, которая помещалась в одной из башен: здесь мисс Бил представили директору медучилища – мисс Хилде Ролф и старшему консультанту-хирургу – мистеру Стивену Кортни-Бриггзу. Она много слышала об обоих. Присутствие мисс Ролф было необходимо и потому предполагалось заранее, но мисс Бил была несколько удивлена тем, что мистер Кортни-Бриггз вознамерился уделить так много своего времени инспекции. Он был представлен как вице-председатель Больничного комитета по подготовке медсестер, и, следовательно, она должна бы познакомиться с ним, как и с другими членами комитета, в конце дня, на встрече по подведению итогов. Довольно непривычно, что главный хирург собирается сидеть на уроке, и в то же время приятно, что он проявляет личную заинтересованность в делах училища.

По широким, отделанным деревом коридорам можно было пройти втроем, и между двумя высокими фигурами сопровождавших ее главной сестры и мистера Кортни-Бриггза мисс Бил казалась себе похожей на маленькую правонарушительницу. Слева от нее шел мистер Кортни-Бриггз, очень внушительный в своих форменных консультантских штанах с лампасами. От него пахло лосьоном для бритья. Уловив этот аромат даже сквозь густой запах дезинфекции, кофе и полироля, мисс Бил удивилась, но нашла его вполне приемлемым. Главная сестра, самая высокая из них троих, шла в спокойном молчании. Ее форменное платье из серого габардина с узкой полоской белой отделки по вороту и на манжетах было наглухо застегнуто чуть не до самого подбородка. Пшенично-золотистые волосы, цвет которых почти сливался с цветом кожи, были зачесаны назад, открывая высокий лоб, и туго стянуты огромным треугольником из муслина, конец которого спускался ей чуть не до поясницы. Этот головной убор напомнил мисс Бил головные уборы, которые носили сестры военно-санитарной службы во время последней войны. С тех пор она редко их видела. Но его простота шла мисс Тейлор. Это лицо с высокими скулами и большими, чуть навыкате глазами – они показались мисс Бил

похожими на бледные, в прожилках, ягоды крыжовника, сколь ни непочтительно такое сравнение, – выглядело бы гротескно под дешево-претенциозным, более современным убором. За своей спиной мисс Бил с опаской ощущала присутствие сестры Ролф, которая едва не наступала им на пятки.

– Эта эпидемия гриппа спутала нам все карты, – говорил мистер Кортни-Бриггз. – Нам пришлось отложить учебные занятия для следующей группы: девочки заняты в палатах; одно время мы даже думали, что придется снимать с занятий и эту группу. Еле вывернулись.

Ну конечно, подумала мисс Бил. Когда бы ни сложилась кризисная ситуация в больнице, первыми жертвами всегда были учащиеся. Их учебную программу могли прервать в любой момент. Это всегда раздражало ее, но сейчас было не время возмущаться. Она что-то промычала в знак молчаливого согласия. Оставалось пройти последний лестничный пролет. Мистер Кортни-Бриггз продолжал свой монолог:

– Некоторые из преподавателей тоже свалились с гриппом. Сегодня наглядный урок проводит инструктор по практике Мейвис Гиринг. Нам пришлось отозвать ее в училище. Обычно она проводит лишь практические занятия в палатах. Это относительно новая идея – что должен быть специально подготовленный инструктор для обучения девочек в палатах, используя пациентов в качестве клинического материала. У старших палатных сестер теперь совершенно нет времени. И вообще вся идея блочной системы обучения появилась сравнительно недавно. Когда я был студентом, стажеры – как мы их тогда называли – проходили обучение полностью в палатах и только иногда, в свое свободное время, слушали лекции, которые читали сотрудники больницы. Теоретического обучения было мало, и уж, разумеется, никто не снимал их с работы в больнице ради занятий в училище. Изменилась вся концепция подготовки медсестер.

Уж кто-кто, а мисс Бил не нуждалась в объяснениях относительно функций и обязанностей инструктора по практике или новых методов подготовки медсестер. Может, мистер Кортни-Бриггз забыл, кто она такая? Этот элементарный инструктаж куда полезнее бы прослушать новым членам больничной администрации, которые обычно ничего не знают о подготовке медсестер, как, впрочем, и ни о чем другом, имеющем отношение к больнице. Но быть может, у хирурга какая-то своя цель? Или это лишь праздная, не относящаяся к слушателю болтовня эгоиста, который не может вытерпеть и минуты без утешительного резонанса собственного голоса? Если так, то чем

скорее он удалится на прием амбулаторных больных или на обход палат и избавит инспекцию от своего благодетельного участия, тем лучше для всех заинтересованных сторон.

Небольшая процессия прошла через вестибюль к комнате в передней части здания. Мисс Ролф проскользнула вперед, чтобы открыть дверь, и посторонилась, пропуская остальных. Мистер Кортни-Бриггз, в свою очередь, пропустил вперед мисс Бил. И сразу она почувствовала себя в привычной обстановке. Несмотря на аномалии самой комнаты – два очень больших окна, пестрящих разноцветными стеклами; огромный мраморный камин с резными драпированными фигурами, поддерживающими каминную доску; высокий лепной потолок, оскверненный тремя трубками люминесцентных ламп, – она вызывала в памяти мисс Бил счастливые студенческие годы, такой приятный и знакомый мир. Здесь находились все атрибуты ее профессии: ряды застекленных шкафов с инструментами, разложенными в строгом порядке; настенные плакаты, показывающие на мертвой схеме циркуляцию крови и замысловатые процессы пищеварения; доска на стене, на которой остались следы от записей на предыдущей лекции; демонстрационные койки, на одной из которых, подпертая подушками, лежала кукла в человеческий рост; неизменный скелет, в жалкой немощи свисающий со своей виселицы. И все это пронизывал сильный терпкий запах антисептика. Подобно наркоманке, мисс Бил с радостью вдохнула его. И какие бы недостатки она ни обнаружила потом в самой комнате, в учебных пособиях, освещении или мебели, в этой пугающей обстановке она чувствовала себя как рыба в воде.

Она коротко одарила учащихся и преподавательницу своей дружелюбно-подбадривающей улыбкой и уселась на один из четырех стульев, предусмотрительно поставленных вдоль стены. Главная сестра Тейлор и мисс Ролф сели по обеим сторонам от нее, стараясь сделать это как можно спокойнее и незаметнее на фоне суетливой галантности мистера Кортни-Бриггза, который слишком рьяно отодвигал и придвигал стулья дамам. Приход этой небольшой компании, хоть и тактично организованный, на какое-то время выбил из колеи преподавательницу. Инспекция едва ли способствовала естественной обстановке на занятиях, но всегда было интересно наблюдать, сколько времени нужно преподавателю, чтобы восстановить взаимопонимание с аудиторией. Насколько мисс Бил знала по личному опыту, первоклассный преподаватель может удерживать внимание класса даже во время сильной бомбежки, а о визите инспектора Генерального совета медсестер и говорить нечего; однако непохоже, чтобы Мейвис Гиринг принадлежала к этой редкой несгибаемой когорте. Этой девушке – вернее, женщине – не хватало авторитетности.

Казалось, она вот-вот начнет глупо, заискивающе улыбаться. К тому же она была слишком накрашена для женщины, которой следовало бы сосредоточиться на менее эфемерном искусстве. Но в конце концов, она всего лишь инструктор по практике, а не квалифицированный наставник будущих медсестер. Проводит занятие без подготовки и в трудных условиях. Мисс Бил решила про себя не судить ее слишком строго.

Как она поняла, учащиеся должны были проходить кормление больного с помощью желудочного зонда. Ученица, которой предстояло играть роль пациента, уже лежала на одной из демонстрационных коек; ее клетчатое платье защищал прорезиненный нагрудник, а голову поддерживал специальный валик для спины и гора подушек. Это была некрасивая девушка с властным, упрямым и каким-то неожиданно взрослым лицом, с блеклыми волосами, некрасиво зачесанными назад с высокого шишковатого лба. Лежа неподвижно под полоской резкого света, она выглядела несколько нелепо и вместе с тем странно величественно, словно целиком ушла в свой внутренний мир, усилием воли отрешившись от всей процедуры. Мисс Бил вдруг пришло в голову, что девушка, возможно, боится. Ерунда, конечно, но мисс Бил не могла отвязаться от этой мысли. Ей вдруг захотелось отвернуться, не видеть это волевое лицо. В раздражении от собственной чрезмерной чувствительности, она сосредоточила внимание на преподавательнице.

Сестра Гиринг с опаской вопросительно взглянула на Главную, получила утвердительный кивок и возобновила прерванное занятие:

– Сестра Пирс выполняет сегодня роль нашей пациентки. Мы только что ознакомились с историей ее болезни. Это миссис Стоукс, пятидесятилетняя мать четверых детей, жена городского мусорщика. Ей была сделана ларингэктомия по поводу ракового заболевания. – Она повернулась к ученице, сидевшей справа от нее: – Сестра Дэйкерс, расскажите, пожалуйста, о курсе лечения миссис Стоукс.

Дэйкерс послушно начала рассказывать. Это была бледная худенькая девушка, лицо у нее пошло красными пятнами, пока она говорила. Ее было плохо слышно, но она знала материал и хорошо излагала его. Добросовестная девчушка, подумала мисс Бил, может быть, не обладает выдающимися способностями, но прилежна и надежна. Жаль, что никто не помог ей избавиться от прыщей. Сохраняя выражение живого профессионального интереса, пока Дэйкерс докладывала вымышленную историю болезни миссис Стоукс, она

воспользовалась возможностью получше рассмотреть остальных учениц, по привычке давая свою собственную оценку их характерам и способностям.

Эпидемия гриппа, безусловно, нанесла тяжелый урон училищу. В демонстрационной комнате находилось всего-навсего семь девушек. Две из них, близнецы, стоявшие по обе стороны демонстрационной койки, сразу привлекли ее внимание. Сильные, румяные, с густыми челками медных волос над изумительно голубыми глазами. Их шапочки – плиссированные короны наподобие соусников – были нацеплены так, что сильно выдавались вперед, а позади торчали два огромных крыла из белого полотна. Мисс Бил, и сама знавшая со студенческих времен, что можно сотворить с помощью пары шляпных булавок с белыми головками, тем не менее была поражена искусным умением так прочно прикрепить столь причудливое и непрочное сооружение на такой непослушной копне волос. Форма училища Джона Карпендара показалась ей забавно старомодной. Почти все клиники, в которых она бывала, сменили эти старомодные шапочки-наколки с крыльями на меньшие, американского образца, которые проще носить, легче сделать и дешевле купить и постирать в прачечной. А в некоторых больницах, к огорчению мисс Бил, выдавали даже одноразовые бумажные шапочки. Однако сестринскую форму больницы всегда ревниво отстаивали, а если меняли, то неохотно, и больница Джона Карпендара была, очевидно, верна традиции. Даже форменные платья были несколько старомодны. Полные веснушчатые руки двойняшек не умещались в рукавах бумазейного, в розовую клетку, платья, что напомнило мисс Бил ее собственные студенческие годы. Их юбки своей длиной не делали уступок современной моде, а крепкие ноги словно вросли в черные с высокой шнуровкой башмаки на низком каблуке.

Мисс Бил окинула быстрым взглядом остальных учениц. Среди них была спокойная девушка в очках, с некрасивым, но умным лицом. Мисс Бил сразу же подумала, что была бы рада иметь ее у себя в любой палате. Рядом с ней, с видом нарочитого безразличия к наглядному уроку, сидела темноволосая, угрюмая, чересчур накрашенная девица. Довольно заурядная, подумала про нее мисс Бил. Удивляя порой своих начальников, мисс Бил любила такие непривычные определения, употребляла их без стеснения и всегда точно знала, что имеет в виду. Ее заявление: «Главная сестра набирает очень приятных девочек» – означало, что девушки происходят из респектабельных семей среднего класса, получили приличное образование в классической школе, носят юбки до колен или ниже и правильно понимают права и обязанности будущих медсестер. Последней в этом классе была очень симпатичная блондинка с длинной, до самых бровей, челкой и нагловатым выражением лица, типичным

для современной молодежи. Вполне подошла бы для рекламного плаката, подумала мисс Бил, но почему-то не было желания останавливаться на этом лице. Пока она размышляла, почему это так, Дэйкерс закончила свой рассказ.

– Правильно, – сказала сестра Гиринг. – Таким образом, перед нами послеоперационная больная, уже изрядно истощенная, а теперь еще и не способная принимать пищу через рот. Что применяется в таких случаях? Вы, пожалуйста.

– Внутрижелудочное или ректальное кормление.

Это ответила темненькая угрюмая девушка, стараясь не выдать голосом ни тени энтузиазма или хотя бы интереса. Определенно неприятная девица, подумала мисс Бил.

В классе зашептались. Сестра Гиринг вопросительно вскинула бровь. Ученица в очках сказала:

– Только не ректальное. Прямая кишка не может всосать необходимое количество пищи. Нужно внутрижелудочное кормление через рот или нос.

– Правильно, сестра Гудейл, именно это и прописал хирург для миссис Стоукс. Продолжайте, сестра. Объясняйте, пожалуйста, что вы делаете, шаг за шагом.

Одна из двойняшек подвинула вперед тележку и продемонстрировала поднос со всем необходимым: аптечная банка с раствором двууглекислого натрия для промывания рта или носа; пластмассовая воронка с присоединяющейся к ней трубкой двадцатисантиметровой длины; соединительное звено; вазелин для смазки; лоток со шпателем, пинцетом и роторасширителем. Подняла желудочный зонд Жака. Трубка зонда, словно желтая змея, непристойно раскачивалась в ее веснушчатой руке.

– Правильно, – подбодрила ее сестра Гиринг. – А теперь питание. Что вы собираетесь давать?

– В общем, это просто теплое молоко.

– А если бы перед нами был настоящий больной?

Девушка молчала в нерешительности. Ученица в очках сказала со спокойной уверенностью:

– Мы могли бы добавить белковый раствор, яйца, витамины и сахар.

– Верно. Если приходится продолжать кормление через зонд более сорока восьми часов, мы должны обеспечить питание, достаточное по калорийности, содержанию белка и витаминов. А какой температуры должна быть питательная смесь?

– Температуры тела, тридцать восемь градусов.

– Правильно. И так как наша больная находится в сознании и способна глотать, мы будем вводить ей питание через рот. Не забудьте успокоить больную. Просто объясните ей, что вы собираетесь делать и почему. Запомните, девочки, никогда не начинайте процедуру, не рассказав больному, что его ждет.

Это же третьекурсницы, подумала мисс Бил, они должны это знать. Но для близняшки, которая, несомненно, легко справилась бы с настоящим больным, оказалось чрезвычайно трудно объяснить предстоящую процедуру своей однокашнице. Давясь от смеха, она пробормотала что-то невнятное застывшей на койке девушке и довольно резко сунула ей в руки желудочный зонд. Все так же глядя прямо перед собой, Пирс нащупала левой рукой конец зонда и направила его себе в рот. Потом, закрыв глаза, глотнула. Видно было, как конвульсивно дернулись горловые мышцы. Она остановилась, чтобы вдохнуть воздуху, затем глотнула еще раз. Трубка стала короче. В демонстрационной комнате стояла тишина. Мисс Бил чувствовала себя подавленно, хотя и не понимала отчего. Не совсем обычно, пожалуй, что внутрижелудочное кормление отрабатывается на учащихся, но такие случаи были небезызвестны. В больницах, как правило, врач сам вводит зонд, однако и медсестра может взять на себя эту обязанность; впрочем, и лучше учиться друг на друге, чем на тяжелобольном пациенте, а демонстрационная кукла, в сущности, не очень хорошая замена живому объекту. Мисс Бил пришлось однажды играть роль пациента в своем училище, и оказалось, что заглатывать зонд очень легко. И вот теперь, тридцать лет спустя, с невольным сочувствием наблюдая за судорожными глотательными движениями Пирс, она почти явственно ощутила

неожиданный холодок зонда, скользнувшего по мягкому нёбу, и легкий шок удивления от несложности всей процедуры. Но было что-то трагическое и тревожное в этой застывшей на кровати фигурке с побледневшим лицом: глаза крепко закрыты, на груди фартучек, как у младенца, а изо рта тянется, извиваясь, словно червяк, тонкая трубка. У мисс Бил было ощущение, что перед ней совершается самопожертвование, что весь этот наглядный урок – просто грубое насилие над личностью. В какой-то момент ей даже пришлось побороть в себе нарастающий протест против происходящего.

Теперь одна из двойняшек прикрепляла шприц к концу зонда, готовясь отсосать пробу желудочного сока, чтобы проверить, достиг ли другой конец зонда желудка. Руки девушки двигались уверенно. Может, мисс Бил просто показалось, что в комнате стоит сверхъестественная тишина? Она взглянула на мисс Тейлор. Главная сестра не сводила глаз с Пирс. Слегка нахмурилась. Пошевелила губами и передвинулась на стуле. Может, она остановит урок, подумала мисс Бил. Но та не проронила ни звука. Мистер Кортни-Бриггз подался вперед, вцепившись руками в колени. Он пристально всматривался, но не в Пирс, а в капельницу, словно загипнотизированный легким покачиванием зонда. Мисс Бил слышала его тяжелое, прерывистое дыхание. Мисс Ролф сидела выпрямившись, ее руки свободно покоились на коленях, а черные глаза смотрели без всякого выражения. Однако мисс Бил заметила, что они были устремлены не на ту, которая лежала на койке, а на хорошенькую белокурую ученицу. И на какую-то долю секунды девушка ответила ей таким же ничего не выражающим взглядом.

Та из двойняшек, которая должна была вводить питание, удостоверившись, что зонд надежно попал в желудок, высоко подняла над головой Пирс воронку и начала медленно вливать в нее молочную смесь. Казалось, весь класс затаил дыхание. И вдруг… раздался пронзительный, страшный, нечеловеческий вопль, и Пирс соскочила с койки, словно ее вытолкнуло оттуда непреодолимой силой. Только что она лежала неподвижно, поддерживаемая горой подушек, и вот она уже на полу, шагнула вперед на цыпочках, будто пародируя балерину, и тщетно хватается за воздух в отчаянной попытке найти зонд. И все время пронзительно кричит, кричит не переставая, как заклинивший свисток. Объятая ужасом, мисс Бил едва успела заметить перекошенное лицо и покрывшиеся пеной губы, как девушка рухнула и забилась в корчах, извиваясь всем телом и стукаясь головой об пол.

Кто-то из учениц вскрикнул. В первую секунду никто не шелохнулся. Потом все бросились вперед. Сестра Гиринг дернула за зонд и вырвала его изо рта девушки. Мистер Кортни-Бриггз, широко расставив руки, решительно направился в гущу свалки. Главная сестра и сестра Ролф склонились над корчащимся телом девушки, загородив ее собой. Затем мисс Тейлор выпрямилась и оглянулась на мисс Бил:

– Девочки… вы не присмотрите за ними? Рядом есть свободная комната. Отведите их всех туда. – Она пыталась сохранить спокойствие, но надо было спешить, и голос ее звучал резко. – Пожалуйста, побыстрей.

Мисс Бил кивнула. Главная сестра вновь склонилась над скорчившейся фигуркой. Крик прекратился. Его сменил жалобный стон и отвратительное стаккато каблуков по деревянному полу. Мистер Кортни-Бриггз снял пиджак, бросил его в сторону и начал закатывать рукава рубашки.

IV

Тихонько подбадривая учениц, мисс Бил повела маленькую группку через вестибюль. Кто-то из них – она не заметила, кто именно, – спросил звенящим голосом: «Что с ней случилось? Что случилось? Что произошло?» Но никто не ответил. Глубоко потрясенные, они вошли в соседнюю комнату. Это была маленькая, странной конфигурации комната в задней половине дома, очевидно когда-то отделенная от большой с высоким потолком гостиной, а теперь служившая кабинетом директрисы. Мисс Бил сразу бросился в глаза канцелярский стол, ряд зеленых стальных картотечных ящиков, доска объявлений, на которой не было свободного места, небольшая доска с крючками, на которых висели всевозможные ключи, и схема во всю стену, отражающая учебную программу и успехи каждой отдельной ученицы. Перегородка делила окно пополам, так что кабинет, и без того непривлекательный из-за нарушенных пропорций, был еще и недостаточно освещен. Одна из учениц щелкнула выключателем, и, замигав, зажглась средняя лампа дневного света. Да уж, подумала мисс Бил, мозг которой отчаянно цеплялся за спокойный ритм своих привычных забот, совсем неподходящая комната для директрисы, да и для любого преподавателя, если уж на то пошло.

Это мимолетное воспоминание о цели ее визита принесло минутное утешение. Но почти тут же страшная действительность вновь дала о себе знать. Ученицы –

жалкая, растерянная стайка – столпились посреди комнаты в полной прострации. Быстро осмотревшись, мисс Бил увидела, что в комнате всего три стула. Поначалу она как-то смутилась и растерялась, словно хозяйка, которая не уверена, сумеет ли она рассадить всех гостей. Не то чтобы эта озабоченность была неуместной. Если и есть хоть малейший шанс отвлечь девочек от того, что происходит в соседней комнате, она должна устроить их поудобнее – пусть немного расслабятся, ведь, возможно, их заключение здесь будет долгим.

– Ну что ж, – сказала она бодрым голосом, – давайте придвинем директорский стол к стене, тогда четыре человека смогут сесть на него. Я займу этот стул, а еще двое могут расположиться в креслах.

По крайней мере, хоть какое-то занятие. Мисс Бил заметила, что худенькая белокурая ученица вся дрожит. Она усадила ее в одно из двух кресел, а второе тут же заняла угрюмая брюнетка. Пусть присмотрит за первой, подумала мисс Бил. И стала помогать другим ученицам убирать все с письменного стола, чтобы придвинуть его к стене. Если бы только она могла послать кого-нибудь из них приготовить чай! Соглашаясь мысленно с более современными методами выведения из шокового состояния, мисс Бил всем сердцем верила в освежающую силу крепкого горячего сладкого чая. Но на это нечего было надеяться. Нельзя же расстраивать и тревожить работников кухни.

– Ну а теперь давайте знакомиться, – бодро начала она. – Меня зовут мисс Мюриел Бил. Нет нужды говорить вам, что я инспектор ГСМ. Несколько имен я запомнила, но не знаю точно, кто из вас кто.

Пять пар глаз испуганно уставились на нее. Однако прилежная ученица – как мисс Бил все еще мысленно называла ее – спокойно представила всех:

– Двойняшки – это Морин и Шерли Берт. Морин примерно на две минуты старше, и у нее больше веснушек. Только так их и можно различить. Рядом с Морин – Джулия Пардоу. В одном кресле сидит Кристин Дэйкерс, а в другом – Дайан Харпер. А я – Маделин Гудейл.

Мисс Бил, всегда плохо запоминавшая имена, по привычке мысленно их все повторила. Двойняшки Берт. Крупные, пышущие здоровьем. Довольно просто запомнить их имена, но совершенно невозможно отличить одну от другой. Джулия Пардоу. Привлекательное имя для привлекательной девушки. Очень

привлекательной для тех, кому нравятся такие хорошенькие, похожие на кошечку блондинки. С улыбкой глядя в равнодушные фиалково-синие глаза, мисс Бил решила, что на таких красоток падки не только мужчины. Маделин Гудейл. Хорошее, благозвучное имя для хорошей, благоразумной девушки. Ей будет совсем не трудно запомнить Гудейл. Кристин Дэйкерс. Что-то здесь не так. Во время непродолжительного наглядного урока этой девушке явно нездоровилось, а теперь ей вроде и совсем худо. У нее плохая кожа, что весьма необычно для медсестры. Сейчас она сильно побледнела, так что пятна вокруг рта и на лбу выделялись воспаленной сыпью. Она вся вжалась в кресло, и ее тонкие руки то теребили, то разглаживали фартук. Дэйкерс, похоже, сильнее всех потрясена случившимся. Может быть, она была близкой подругой Пирс. Суеверно спохватившись, мисс Бил мысленно исправила время. Может быть, она близкая подруга Пирс. Если бы только она могла раздобыть горячего чаю, чтобы привести эту девочку в чувство!

Харпер, у которой губная помада и тени для век слишком ярко выделялись на побледневшем лице, вдруг сказала:

– Наверняка в этой смеси что-то было.

Двойняшки Берт разом повернулись к ней.

– Конечно, было. Молоко! – сказала Морин.

– Я имею в виду кое-что помимо молока, – нерешительно проговорила Харпер. – Яд.

– Но это невозможно! Мы с Шерли взяли свежую бутылку молока из кухонного холодильника сегодня утром. Там еще была мисс Коллинз, она нас видела. Мы оставили молоко в демонстрационной, а перелили в мерную кружку только перед самым уроком, ведь так, Шерли?

– Все верно. Это была свежая бутылка. Мы взяли ее около семи часов.

– А вы ничего не добавили туда по ошибке?

– Чего еще? Конечно, нет.

Двойняшки говорили в унисон, и в их словах звучала твердая уверенность, чуть ли не безмятежность. Они точно знали, что и когда они делали, и никому – мисс Бил чувствовала это – не удалось бы сбить их с толку. Они были не из тех, кого мучает неоправданное чувство вины или беспокоят всякие беспочвенные сомнения – удел более страстных и впечатлительных натур. Мисс Бил решила, что очень хорошо представляет себе их характер.

– А может, кто-то еще приложил руку к приготовлению питания, – с некоторым вызовом сказала Джулия Пардоу и оглядела своих однокашниц из-под полуопущенных век.

– Но зачем? – спокойно возразила Маделин Гудейл.

Пардоу пожала плечами и насмешливо поджала губы.

– Так, случайно, – проговорила она. – Или чтобы подшутить. А может быть, и нарочно.

– Только не говорите, что это преднамеренное убийство!

Это произнесла Дайан Харпер. Морин Берт усмехнулась:

– Не говори глупости, Джулия. Ну кому надо убивать Пирс?

Никто не ответил. Очевидно, в ее словах была неопровержимая логика. Они и представить не могли, что кому-то понадобилось убить Пирс. Мисс Бил поняла, что Пирс либо принадлежала к числу безобидных овечек, либо была настолько скверной особой, что ни в ком не могла вызвать той мучительной ненависти, которая доводит до убийства. Но тут Гудейл сухо сказала:

– Пирс многие недолюбливали.

Мисс Бил с удивлением взглянула на девушку. Странно было слышать от Гудейл такое замечание – слишком, пожалуй, равнодушное в данных обстоятельствах, что как-то не вязалось с представлением о ее характере. Мисс Бил также заметила, что девушка говорит в прошедшем времени. Значит, одна ученица уже не надеется увидеть Пирс в живых.

– Глупо говорить об убийстве, – упорно повторила Харпер. – Никому бы в голову не пришло убивать Пирс.

– А может, это предназначалось не для Пирс, – сказала, пожав плечами, Пардоу. – Ведь сегодня роль пациентки должна была играть Джо Фэллон, разве не так? Ее же имя стояло следующим по списку. И если б она не заболела вчера вечером, то сегодня утром на той койке лежала бы Фэллон.

Все молчали. Гудейл повернулась к мисс Бил:

– Она права. Мы все играем роль пациента строго по очереди, и сегодня действительно была очередь не Пирс. Но вчера вечером Джозефин Фэллон забрали в лазарет – вы, наверно, слышали, что у нас эпидемия гриппа, – и следующей по списку была Пирс. Так что Пирс была вместо Фэллон.

Мисс Бил растерялась. Она понимала, что должна прекратить этот разговор, что обязана отвлечь их мысли от несчастного случая, а в том, что это просто несчастный случай, она не сомневалась. Но не знала как. Кроме того, выяснение истины – чрезвычайно интересное занятие. Ее это всегда захватывало. Пожалуй, даже лучше, что девочки вовлеклись в такое бесстрастное исследование, чем сидели бы здесь, вымучивая из себя пустые разговоры. Она заметила, что первое потрясение уже уступает место тому стыдливому возбуждению, которое охватывает людей после трагедии, – конечно, только в том случае, когда эта трагедия не касается их лично.

Джулия Пардоу продолжала своим спокойным, немного детским голосом:

– Значит, если жертвой действительно должна была стать Фэллон, тогда этого не мог сделать никто из нас, правда? Ведь мы все знали, что Фэллон не будет играть роль пациентки сегодня утром.

– Я думаю, что знали не только мы, – сказала Маделин Гудейл. – А по крайней мере все, кто живет в Найтингейле. Об этом достаточно много говорилось за завтраком.

Они опять смолкли, размышляя над новым поворотом событий. Мисс Бил с интересом отметила, что на сей раз не было возражений, что, мол, никому не придет в голову убивать Фэллон.

– Фэллон не так уж и больна, – сказала Морин Берт. – Она приходила сюда, в Дом Найтингейла, сегодня утром, примерно без двадцати девять. Мы с Шерли видели, как она выскользнула через черный ход, мы как раз шли в демонстрационку после завтрака.

– Во что она была одета? – резко спросила Гудейл.

Морин не удивил этот явно не относящийся к делу вопрос.

– Брюки. Пальто. На голове красный шарф, который она обычно носит. А что?

Явно потрясенная услышанным, Гудейл попыталась скрыть удивление.

– Она надела это вчера вечером, когда мы отправляли ее в лазарет. Наверно, приходила забрать что-нибудь из своей комнаты. Только зря она встала с постели. Это же глупо. Когда ее госпитализировали, у нее была температура за сорок. Ее счастье, что сестра Брамфетт ее не видела.

– Однако подозрительно, не правда ли? – не без ехидства сказала Пардоу.

Никто не ответил. И в самом деле подозрительно, подумала мисс Бил. Она вспомнила свой долгий тягостный путь от больницы до медучилища. Дорога была извилистая; очевидно, есть и прямой путь через парк. Но странно, что больная девушка могла совершить такое путешествие ранним январским утром. Видимо, была какая-то основательная причина, заставившая ее вернуться в Дом Найтингейла. Ведь, в конце концов, если ей понадобилось что-то из ее вещей, ничто не мешало ей попросить кого-нибудь, чтобы принесли. Любая из однокашниц охотно навестила бы ее в лазарете. И это как раз та самая девушка, которая должна была играть роль пациентки сегодня, которая по логике вещей должна была бы лежать в соседней комнате среди трубок и скомканных простыней.

– В общем, – сказала Пардоу, – есть только один человек, который знал, что Фэллон не будет играть роль пациентки сегодня. Это сама Фэллон.

Побледневшая Гудейл посмотрела на нее:

– Если тебе нравится говорить глупости и злорадствовать, я вряд ли могу остановить тебя. Но на твоем месте я бы прекратила клеветнические нападки, – сказала она.

Пардоу казалась невозмутимой, если не сказать – довольной. Заметив ее хитрую, удовлетворенную улыбку, мисс Бил решила, что пора прекратить эти разговоры. Она соображала, как переменить тему, когда Дэйкерс вдруг произнесла еле слышно из глубины своего кресла:

– Мне дурно.

Все всполошились. Лишь Харпер не сдвинулась с места. Остальные окружили девушку, радуясь возможности хоть что-то сделать.

– Я провожу ее в туалет, – сказала Гудейл.

И, придерживая Дэйкерс под руку, повела ее из комнаты. К удивлению мисс Бил, Пардоу пошла с ней, и, забыв, казалось, о своей недавней враждебности, они с двух сторон поддерживали девушку. Мисс Бил осталась с Харпер и двойняшками Берт. Опять стало тихо. Но мисс Бил уже получила хороший урок. До сих пор она вела себя непростительно безответственно. Больше никаких разговоров о смерти или убийстве. Пока они здесь, под ее присмотром, пусть все же поработают. Она строго посмотрела на Харпер и преддожила ей описать признаки, симптомы и лечение легочной недостаточности.

Через десять минут вернулись трое отсутствовавших. Дэйкерс была все еще бледна, но спокойна. Зато Гудейл выглядела встревоженной.

– Из уборной пропала бутылка с дезинфицирующим средством, – взволнованно сказала она. – Ну, знаете какая. Она всегда стоит там на полочке. Мы с Пардоу не смогли ее найти.

Прервав свое скучное, но на удивление компетентное изложение, Харпер сказала:

– Ты имеешь в виду бутылку с молочного цвета жидкостью? Она была там вчера после ужина.

– Вчера давно кончилось. А сегодня утром кто-нибудь заходил в эту уборную?

По-видимому, никто не заходил. Они молча посмотрели друг на друга.

В этот момент открылась дверь. Главная сестра бесшумно вошла в комнату и снова закрыла ее. Скрипнули накрахмаленные фартуки: это двойняшки Берт соскользнули с письменного стола и встали по стойке «смирно». Харпер неуклюже поднялась со своего кресла. Все повернулись к мисс Тейлор.

– Дети мои, – произнесла она, и это ласковое обращение было столь непривычно, что все догадались, о чем пойдет речь. – Дети мои, несколько минут назад скончалась сестра Пирс. Мы еще не знаем, от чего и почему, но когда случается что-нибудь непонятное, как сегодня, мы вынуждены вызывать полицию. Этим сейчас занимается директор больницы. Не сомневаюсь, что вы проявите мужество и благоразумие. Думаю, было бы лучше, если б мы не обсуждали случившееся до приезда полиции. Соберите свои учебники, и сестра Гудейл проводит вас в мою гостиную. Я распоряжусь, чтобы вам принесли горячего крепкого кофе. Все понятно?

– Да, мэм, – прошелестел подавленный шепот.

Мисс Тейлор повернулась к мисс Бил:

– Я очень сожалею, но это означает, что вам тоже придется задержаться у нас.

– Разумеется, сестра. Я все понимаю.

Их взгляды встретились поверх голов учениц, выражая полнейшее недоумение и молчаливое сочувствие.

Однако, вспоминая потом этот день, мисс Бил ужаснулась неуместности и суетности той мысли, что первой пришла ей тогда в голову: «Это будет, наверно, самая поверхностная инспекция. Что же я скажу на Генеральном совете медсестер?»

V

За несколько минут до этого четверо, оставшиеся в демонстрационной комнате, в полном изнеможении и с побледневшими лицами, выпрямились и посмотрели друг на друга. Хедер Пирс была мертва. Мертва и по юридическим, и по медицинским критериям. Они это поняли минут пять назад, но тем не менее упрямо, без слов, продолжали работать, точно был еще шанс, что безжизненное сердце вновь забьется. Мистер Кортни-Бриггз для удобства снял пиджак, и теперь его жилет был спереди заляпан кровью. Нахмурившись и брезгливо сморщив нос, он уставился на густеющее пятно с таким видом, будто кровь была для него совершенно чуждой материей. Массаж сердца оказался грязной и безрезультатной работой. Слишком грязной для мистера Кортни-Бриггза, подумала главная сестра. Но наверное, попытка была необходима? Ведь отнести девочку в операционную не было времени. Жаль, что сестра Гиринг выдернула желудочный зонд. По-видимому, вполне естественная реакция, но она стоила Пирс ее единственного шанса. Пока зонд был на месте, они могли, по крайней мере, постараться сделать срочное промывание желудка. Но попытка ввести другой зонд через нос не удалась, потому что девушка билась в агонии, а когда судороги прекратились, было уже слишком поздно, и мистеру Кортни-Бриггзу пришлось вскрыть грудную клетку и прибегнуть к единственному оставшемуся ему способу. Всем известно, на какие героические усилия способен мистер Кортни-Бриггз. Жаль только, что после них искромсанное тело представляло печальную картину, а в демонстрационной воняло, как на скотобойне. Такие вещи лучше проводить в операционной, где все облагорожено атрибутами традиционной хирургии.

Он заговорил первым:

– Это не естественная смерть. В питательной смеси было не молоко, а что-то другое. Я думаю, это очевидно для всех нас. И лучше бы вызвать полицию. Я свяжусь со Скотланд-Ярдом. Дело в том, что я там кое-кого знаю. Одного из помощников комиссара.

Везде-то он кого-нибудь знает, подумала главная сестра. В ней вдруг поднялось чувство протеста. Шок сменился раздражением, которое вопреки всякой логике сосредоточилось на мистере Кортни-Бриггзе.

– Надо вызвать местную полицию, – сказала она спокойно, – и, я думаю, сделать это должен директор больницы. Я сейчас свяжусь с мистером Хадсоном по внутреннему телефону. А уж они там позвонят в Скотланд-Ярд, если сочтут необходимым. Я, правда, такой необходимости не вижу. Но решение должен

принять начальник полиции, а не мы.

Она направилась к висевшему на стене телефону, осторожно обходя склонившуюся на полу мисс Ролф. Директриса училища все еще стояла на коленях. Совсем как героиня викторианской мелодрамы, подумала главная сестра, горящие глаза на мертвенно-бледном лице, черные волосы, слегка выбившиеся из-под оборчатой шапочки, и эти окровавленные руки. Медленно поворачивая их перед собой, она в отрешенной задумчивости внимательно рассматривала алые пятна, как будто ей тоже было трудно поверить, что кровь настоящая.

– Если подозревается преступление, должны ли мы перенести тело? – спросила мисс Ролф.

– Я вовсе не намерен переносить тело, – резко ответил мистер Кортни-Бриггз.

– Но нельзя же оставить ее здесь, в таком виде! – возразила мисс Гиринг, чуть не плача.

Хирург метнул на нее свирепый взгляд:

– Дорогуша, девочка мертва! Мертва! И не все ли равно, где мы оставим тело? Она же ничего не чувствует. Ничего не понимает. Бога ради, не разводите нюни по поводу смерти. Унизительна смерть сама по себе, а не то, что происходит с нашим телом.

Он круто повернулся и пошел к окну. Сестра Гиринг шагнула было вслед за ним, но потом опустилась на стоящий рядом стул и тихо заплакала – будто засопел маленький зверек. Никто не обращал на нее внимания. Мисс Ролф неловким движением поднялась на ноги. Высоко держа перед собой руки в ритуальной позе операционной сестры, она подошла к раковине в углу комнаты, нажала локтем на кран и стала мыть руки. Стоя у телефона, главная сестра набирала пятизначный номер. Они услышали ее спокойный голос:

– Это кабинет директора? Мистер Хадсон у себя? Это главная сестра. – Последовала пауза. – Здравствуйте, мистер Хадсон. Я говорю из демонстрационной на первом этаже Дома Найтингейла. Не могли бы вы сейчас подойти сюда? Да. Очень срочно. Боюсь, произошла ужасная трагедия, и вам

нужно будет позвонить в полицию. Нет, я не хочу говорить по телефону. Спасибо. – Она положила трубку и негромко сказала: – Он сию минуту выходит. Ему придется также ввести в курс дела вице-председателя – к сожалению, сэр Маркус находится в Израиле, – но в первую очередь надо вызвать полицию. А теперь я, пожалуй, должна сообщить нашим ученицам.

Сестра Гиринг попыталась взять себя в руки. Она громко высморкалась, убрала платок в карман форменного платья и подняла покрывшееся пятнами лицо.

– Простите. Это, наверно, шок. Просто все так ужасно. Так все страшно произошло. Да еще тогда, когда я первый раз проводила урок! А все сидели и смотрели. И остальные ученицы тоже. Какой ужасный несчастный случай.

– Несчастный случай, сестра? – Мистер Кортни-Бриггз отвернулся от окна. Размашистым шагом подошел и наклонил к ней свою бычью голову. Резко, с презрением в голосе, каждое слово точно плевок ей в лицо, он повторил: – Несчастный случай? Вы хотите сказать, что разъедающий яд попал в питательную смесь случайно? Или что девушка в здравом уме могла выбрать такой исключительно страшный способ самоубийства? Ну же, ну же, сестра, почему бы хоть раз не сказать честно? То, что сейчас произошло на наших глазах, – убийство!

Глава вторая

Кончина в полночь

I

Поздним вечером в среду двадцать восьмого января, через шестнадцать дней после смерти Пирс, в студенческой гостиной на втором этаже Дома Найтингейла сестра Дэйкерс, как всегда среди недели, писала письмо своей матери. Обычно она успевала закончить письмо вовремя, чтобы отправить его с вечерней почтой в среду, но на этой неделе у нее не было ни сил, ни желания писать. В стоящей у ее ног корзине для бумаг валялись скомканные листки первых двух отвергнутых ею черновиков. И теперь она делала новую попытку.

Она сидела за одним из двух сдвинутых столов перед окном, задевая левым локтем тяжелую штору, загораживающую промозглую черноту ночи, и прикрывая рукой свой блокнот. Напротив нее настольная лампа освещала склоненную голову Маделин Гудейл, которая была так близко, что Дэйкерс видела чистую белую кожу головы в проборе ее волос и слышала почти неуловимый антисептический запах шампуня. Два учебника лежали раскрытыми перед Гудейл: она делала конспект. Ничто, подумала с обидой и завистью Дэйкерс, не волнует ее, ничто происходящее в этой комнате или за ее пределами не может нарушить ее спокойной сосредоточенности. Эта замечательная и безмятежная Гудейл уверенно шла к тому, чтобы золотую медаль училища Джона Карпендара за отличные оценки на выпускных экзаменах в конечном итоге прикрепили на ее безукоризненно чистый фартук.

Испугавшись, как бы эта неожиданная и постыдная враждебность, с такой силой охватившая ее, не передалась Гудейл, Дэйкерс отвела взгляд от головы, склоненной в столь смущающей близости от нее, и внимательно посмотрела вокруг. За три года учебы она так привыкла к этой комнате, что перестала обращать внимание на архитектурные детали и обстановку. А сегодня вдруг увидела все так отчетливо, будто эта комната не имела никакого отношения к ней самой или к ее жизни. Слишком большая, чтобы быть уютной, комната была обставлена так, словно на протяжении многих лет в ней накапливались, приспосабливаясь под ее нужды, совершенно случайные предметы. Должно быть, когда-то это была элегантная гостиная, но с тех пор прошло много времени, и на стенах, давно лишившихся обоев (в результате ремонта, сделанного, по слухам, когда были на это деньги), уже облупилась масляная краска. Красивый камин с резьбой по мрамору, обрамленный дубовыми панелями, был оборудован большой газовой печью – старой уродиной, которая тем не менее до сих пор удивительно исправно работала, со свистом нагнетая тепло даже в самые дальние углы комнаты. Изящный столик красного дерева, стоящий у дальней стены с кучей журналов, был, возможно, завещан самим Джоном Карпендаром. Но, регулярно протирая от пыли, его редко полировали, и теперь его потускневшая поверхность была вся в глубоких царапинах и трещинах. Слева от камина, нелепым контрастом к нему, стоял большой современный телевизор, подарок Общества друзей больницы. Перед ним – огромный, обитый кретоном, продавленный диван и одно-единственное кресло с такой же обшивкой. Остальные кресла были похожи на те, что стояли в амбулаторном отделении больницы, только слишком старые и потертые, чтобы можно было использовать их для пациентов. Подлокотники из светлого дерева загрязнились, а разноцветные виниловые сиденья растянулись и провисли, и

теперь, в тепле от камина, от них исходил неприятный запах. Одно кресло – то, что с красным сиденьем, – было не занято. Его неизменно выбирала Пирс. Считая ниже своего достоинства сидеть в тесноте на диване, она обычно садилась здесь, немного поодаль от учениц, сгрудившихся вокруг телевизора, и смотрела на экран с нарочитым равнодушием, словно запросто могла отказаться от такого развлечения. Время от времени она опускала глаза на лежавшую на коленях книгу, демонстрируя, как ей надоела вся эта увеселительная белиберда. Ее присутствие, подумала Дэйкерс, всех как-то тяготило. Атмосфера в студенческой гостиной всегда была более легкой и непринужденной без этой прямой и строгой фигуры. Но пустое кресло с продавленным сиденьем и того хуже. Хорошо бы набраться храбрости, думала Дэйкерс, подойти и переставить его в один ряд с другими креслами вокруг телевизора и с беззаботным видом усесться в его провисшую вмятину, изгнав раз и навсегда гнетущий призрак. Интересно, а что чувствуют другие девочки? Но ведь не спросишь! Неужели двойняшки Берт, усевшиеся рядом на широченном диване, и вправду с таким интересом смотрят старый гангстерский фильм? Обе вязали толстые свитера, которые неизменно носили зимой, быстро работая пальцами и не сводя глаз с экрана. Рядом с ними развалилась в кресле Фэллон, небрежно перекинув одну ногу через подлокотник. Она только сегодня вернулась в училище после болезни, все еще бледная и осунувшаяся. Неужели ее и вправду занимает этот прилизанный герой с чересчур широкими подложными плечами и в дурацкой шляпе с широкой лентой, герой, чей голос вперемежку с ружейными выстрелами гремит по всей комнате? Или ей тоже не по себе от этого пустого красного кресла, от продавленного сиденья, от округлых подлокотников, отполированных руками Пирс?

Дэйкерс передернулась. Настенные часы показывали уже больше половины десятого. За окном поднимался ветер. Явно собиралась буря. В редкие промежутки, когда затихал телевизор, она слышала скрип и шелест деревьев и представляла, как последние листья мягко падают на траву и дорожку, отгораживая Дом Найтингейла от остального мира слякотным кольцом безмолвного увядания. Она заставила себя взяться за перо. Она просто должна закончить письмо! Скоро уже надо ложиться спать, и, пожелав спокойной ночи, одна за одной уйдут все ученицы, а ей придется в одиночестве тащиться по плохо освещенной лестнице и длинному темному коридору. Правда, здесь все еще будет сидеть Джо Фэллон. Она никогда не ложится спать раньше, чем закончится телевизионная программа. После этого она одна поднимается наверх, чтобы приготовить себе горячее виски с лимоном. Всем известны неизменные привычки Фэллон. Но у Дэйкерс не хватало духу остаться с ней наедине. Все, что угодно, только не общество Фэллон, пусть даже придется

одной пройти этот пугающий путь от гостиной до собственной постели.

Она снова взялась за письмо:

«Только, пожалуйста, мамочка, не беспокойся насчет убийства».

Немыслимо оставлять такую фразу: она мгновенно поняла это, едва увидела слова на бумаге. Надо каким-то образом избегать этого страшного слова, от которого пахнет кровью. Она сделала новую попытку:

«Только, пожалуйста, мамочка, не волнуйся из-за того, что пишут в газетах. В самом деле, не стоит. Я в полной безопасности и всем довольна, и никто всерьез не верит, что Пирс была убита намеренно».

Это, конечно, неправда. Некоторые наверняка считали, что Пирс была убита намеренно, а иначе что тут делать полиции? Нелепо было также предполагать, что яд попал в питательную смесь случайно или что Пирс – богобоязненная, добросовестная и в общем-то туповатая Пирс – могла додуматься убить себя таким мучительным и вместе с тем эффектным способом. Дэйкерс продолжала:

«У нас здесь до сих пор находятся полицейские из местного отделения криминальной полиции, хотя приходят к нам уже не так часто. К нам, ученицам, они очень добры, и я не думаю, что они кого-то подозревают. Бедняжку Пирс недолюбливали, но нелепо думать, что кому-то из нас могло прийти в голову погубить ее».

На самом ли деле полицейские были добры? – задумалась она. Они, безусловно, были очень корректны, очень вежливы. Выдали весь обычный набор успокоительных банальных фраз о том, как важно сотрудничать с ними в расследовании этой ужасной трагедии, говорить только правду, ничего не скрывать, каким бы мелким и незначительным что-то ни казалось. Ни один из них не повысил голоса, ни один не грубил и не угрожал. Но все они внушали страх. Само их присутствие в Доме Найтингейла, присутствие уверенных, сильных мужчин, так же как и запертая дверь демонстрационной комнаты, постоянно напоминало о страшной трагедии. Больше всех наводил на Дэйкерс страх инспектор Бейли. Это был крупный румяный круглолицый мужчина, чей дружелюбный голос и манера разговаривать словно он твой добрый дядюшка никак не вязались с холодным взглядом маленьких поросячьих глазок, и это

лишало ее присутствия духа. Допросы, допросы, допросы… Она до сих пор вспоминала эти нескончаемые встречи с ним и то, как она вся напрягалась, чтобы выдержать его пронизывающий взгляд.

– Мне сказали, что вы расстроились больше всех, когда умерла Пирс. Наверно, она была вашей близкой подругой?

– Нет. Вовсе нет. Не близкой подругой. Я почти не знала ее.

– Ну вот это удивительно! После чуть ли не трех лет учебы вместе! Я-то думал, что раз вы здесь все вместе живете и занимаетесь, то должны очень хорошо знать друг друга.

Она постаралась объяснить:

– В каком-то смысле это так и есть. Мы знаем привычки друг друга. Но я на самом деле не знала, что она собой представляет, я имею в виду – как человек.

Дурацкий ответ. Как еще можно знать кого-то, если не как человека? И это была неправда. Она знала Пирс. И знала очень хорошо.

– Но вы с ней ладили? Между вами не было каких-то ссор или чего-нибудь в этом роде? Никаких недоразумений?

Странное слово – недоразумение. Перед ее глазами снова возникла эта гротескная фигура, судорожно качнувшаяся вперед, пальцы, тщетно скребущие по воздуху, тонкая трубка зонда, растягивающая рот в подобие раны.

– Нет, никаких недоразумений не было.

– А другие ученицы? Они тоже ладили с сестрой Пирс? Между ними не пробегала черная кошка?

Черная кошка. Дурацкое выражение. А какое есть с противоположным значением? Белая кошка? Между ними была только белая кошка. Белая кошка смерти Пирс. Она ответила:

– Насколько мне известно, у нее не было врагов. А если кто-то и недолюбливал ее, то не стал бы ее убивать.

– Все вы так говорите. Но ведь кто-то же убил ее, не так ли? Если только этот яд предназначался не для Пирс. Она ведь исполняла роль пациентки случайно. Вы знали, что сестра Фэллон заболела в ту ночь?

И так без конца. Вопросы о каждой минуте этого ужасного последнего наглядного урока. Вопросы о дезинфицирующем средстве из туалета. Пустую бутылку, аккуратно вытертую, чтобы не осталось отпечатков пальцев, полицейские нашли быстро: она лежала в кустах позади дома. В непроглядную темень того январского утра кто угодно мог выбросить ее из окна спальни или ванной комнаты. Вопросы обо всех ее передвижениях с той самой минуты, как она проснулась. Постоянное напоминание угрожающим тоном, что не надо ничего недоговаривать, ничего скрывать.

Интересно, думала она, остальные девушки так же напуганы или нет? Двойняшкам Берт, казалось, все просто надоело, но они смирились и только пожимали плечами, устало вздыхая: «О боже, сколько можно!», когда их в очередной раз вызывал к себе инспектор. Гудейл ничего не говорила ни когда ее вызывали на допрос, ни после допроса. Фэллон тоже молчала. Было известно, что, как только она достаточно окрепла, инспектор Бейли приходил побеседовать с ней в лазарет. Никто не знал, о чем говорилось во время этого визита. Ходили слухи, что Фэллон призналась, что возвращалась в Дом Найтингейла рано утром в день убийства, но отказалась сказать зачем. Очень на нее похоже. А теперь она вернулась в Найтингейл к своей группе. И пока даже словом не обмолвилась о смерти Пирс. Любопытно, подумала Дэйкерс, когда же она заговорит об этом и заговорит ли вообще; и, мучаясь от того, что в каждом слове ей чудился какой-то скрытый смысл, с трудом продолжала свое письмо:

«Мы ни разу не занимались в демонстрационной комнате с тех пор, как умерла Пирс, а в остальном группа продолжает работать по плану. Только одна ученица, Дайан Харпер, ушла из училища. Ее отец забрал ее через два дня после смерти Пирс, и полиция вроде не возражала против ее отъезда. Мы все решили, что с ее стороны глупо бросать училище перед самым выпускным экзаменом, но отец никогда не одобрял ее желания учиться на медсестру, и вообще она уже помолвлена, так что, видимо, она решила, что экзамен не имеет значения. Больше никто уходить не собирается, да и на самом деле нам здесь ничто не

угрожает. Так что, пожалуйста, дорогая, не беспокойся за меня. А теперь я должна рассказать тебе о завтрашней программе».

Дальше можно обойтись без черновика. Остальное будет легко. Она перечитала написанное и решила, что этого достаточно. Вырвав новый лист из блокнота, начала переписывать письмо на чистовик. Если повезет, она успеет как раз до того, как кончится фильм и двойняшки, собрав свое вязанье, отправятся спать.

Она продолжала строчить и спустя полчаса, закончив письмо, с облегчением увидела, что фильм подошел к последнему смертоубийству и заключительному объятию. В ту же минуту Гудейл оторвала глаза от своих конспектов, сняла очки и закрыла учебник. Открылась дверь, и на пороге показалась Джулия Пардоу.

– Я вернулась, – объявила она и зевнула. – До чего отвратительный фильм! А кто-нибудь делает чай?

Никто не ответил, но двойняшки тут же вонзили свои спицы в клубки шерсти и присоединились к ней у двери, по дороге выключив телевизор. Пардоу никогда не обременяла себя приготовлением чая, если могла найти кого-нибудь, кто бы это сделал, и двойняшки обычно шли на такое одолжение. Выходя следом за ними из гостиной, Дэйкерс оглянулась на неподвижную фигуру Фэллон, оставшуюся теперь наедине с Маделин Гудейл. Ей вдруг захотелось заговорить с Фэллон, сказать, как хорошо, что она вернулась к занятиям, спросить, как она себя чувствует, или просто пожелать спокойной ночи. Но слова словно застряли в горле, момент был упущен, и последнее, что она видела, закрывая за собой дверь, было бледное лицо Фэллон, которая сидела, все еще устремив застывший взгляд на телевизор, как будто и не знала, что экран уже погас.

II

В больнице само течение времени документировано: секунды измеряются ударами пульса, каплями крови или плазмы, вводимой через капельницу; минуты – остановкой сердца; часы – подъемом и падением кривой на температурном графике, продолжительностью операции. Когда пришла пора документировать события, происшедшие в ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое января, лишь немногие из главных действующих лиц в больнице Джона Карпендара не знали, что они делали и где находились в

каждый отдельный момент бодрствования. Возможно, они не хотели говорить правду, но по крайней мере знали, где ее искать.

В ту ночь неистовствовала буря, то усиливаясь, то затихая, при этом сила и даже направление ветра все время менялись. В десять часов он едва превышал всхлипывающее легато среди вязов. А час спустя вдруг поднялся до бешеного крещендо. Огромные вязы вокруг Дома Найтингейла трещали и стонали под натиском бури, а ветер завывал среди них дьявольским хохотом. Вдоль безлюдных тропинок кучи опавших листьев, все еще тяжелых от дождя, лениво шевельнулись, потом распались на мелкие кучки и взвились, закружились сумасшедшими вихрями подобно стайкам безмозглых насекомых, чтобы потом прилепиться к темной коре деревьев. В операционной на самом верхнем этаже больницы мистер Кортни-Бриггз продемонстрировал свою невозмутимость перед стихией, тихо заметив своему ассистенту, как сильно разыгралась буря, прежде чем вновь с удовлетворением погрузился в размышление над сложной хирургической задачей, пульсирующей меж разверстых краев раны. Под ним в тишине тускло освещенных палат бормотали и ворочались во сне пациенты, словно чувствуя смятение природы. Рентгенолог, которую вызвали из дома, чтобы срочно сделать рентгеновские снимки пациента мистера Кортни-Бриггза, закрыла аппарат, выключила свет и задумалась, выдержит ли обратную дорогу ее маленькая машина. Ночные сестры бесшумно двигались среди своих больных, проверяя окна, плотнее задергивая шторы, словно стараясь не впустить в палаты какую-то страшную постороннюю силу. В сторожке у главных ворот дежурный привратник неспокойно поежился в своем кресле, потом поднялся, скрючившись, на ноги и подбросил еще пару кусков угля в камин. Здесь, вдали от людей, ему очень не хватало тепла и уюта. Его маленький домик сотрясался от каждого порыва ветра.

Но незадолго до полуночи буря притихла, словно в предчувствии колдовского часа, той глухой ночной поры, когда слабеет пульс и умирающий больной наиболее безболезненно уходит в забытье, из которого нет возврата. Минут на пять установилась жуткая тишина, сменившаяся легким ритмичным подвыванием, по мере того как ветер налетал и затихал среди деревьев, словно выдохшись от собственной ярости. Закончив операцию, мистер Кортни-Бриггз снял перчатки и прошел в раздевалку хирургов. Едва разоблачившись, он связался по настенному телефону с сестринским этажом в Доме Найтингейла и попросил сестру Брамфетт, старшую сестру платного отделения, вернуться в палату, чтобы обеспечить уход за его пациентом в течение первого, самого опасного, часа после операции. Он заметил с удовлетворением, что ветер стих. Она сможет сама пройти через парк, как уже проделывала это бессчетное число

раз по его просьбе. И не надо чувствовать себя обязанным ехать за ней на своей машине.

Меньше чем через пять минут сестра Брамфетт в плаще, окутавшем ее, словно флаг, навившийся на флагшток, с капюшоном, низко натянутым на оборчатую сестринскую шапочку, решительной походкой шла через парк. Было удивительно спокойно во время этой краткой интерлюдии бури. Сестра бесшумно ступала по мокрой траве, даже сквозь толстые подошвы своих башмаков ощущая, как пропиталась дождем земля, а тем временем то одна, то другая тоненькая веточка, сломанная бурей и едва державшаяся на кусочке коры, отрывалась и с легким стуком неожиданно падала к ее ногам. К тому времени как она, добравшись до ничем не потревоженного покоя платного отделения, уже помогала ученице-третьекурснице готовить послеоперационную койку и устанавливать капельницу, ветер опять начал усиливаться. Но сестра Брамфетт, поглощенная своей работой, уже не замечала этого.

Примерно около половины первого, может, чуть позже, Алберт Колгейт, дежурный привратник у главных ворот, клевавший носом над вечерней газетой, вдруг встрепенулся от полосы света, резко ударившей в окно сторожки, и гула приближающейся машины. Наверное, «даймлер» мистера Кортни-Бриггза, подумал он. Стало быть, операция закончилась. Он ждал, что машина проедет через главные ворота, но она неожиданно остановилась. Послышались два требовательных гудка. Недовольно ворча, привратник сунул руки в рукава пальто и вышел из сторожки. Мистер Кортни-Бриггз опустил окно машины и прокричал, стараясь перекрыть свист ветра:

– Я хотел выехать через Винчестерские ворота, но там поперек дороги упало дерево. И я решил, что лучше сообщить об этом. Посмотрите, что там можно сделать, только не откладывайте надолго.

Привратник просунул голову в окно машины и тут же натолкнулся на восхитительный запах дорогой сигары, лосьона и кожи. Мистер Кортни-Бриггз слегка отшатнулся от него. Привратник сказал:

– Это наверняка один из тех старых вязов, сэр. Я доложу об этом первым делом с утра. А сейчас я ничего не могу сделать, сэр, в такую-то бурю.

Мистер Кортни-Бриггз начал поднимать окно. Голова Колгейта тут же отдернулась.

– Нет нужды что-либо делать сейчас, – сказал хирург. – Я привязал к ветке свой белый шарф. Сомневаюсь, что до утра кто-нибудь поедет той дорогой. А если поедет, то увидит шарф. Но вы могли бы предупредить любого, кто едет в том направлении. Спокойной ночи, Колгейт.

Большая машина, ровно урча, выехала за ворота, а Колгейт вернулся в сторожку. Он педантично заметил время по часам, висевшим над камином, и сделал запись в своем журнале: «12.32. Мистер Кортни-Бриггз сообщил, что поперек дороги к Винчестерским воротам упало дерево».

Он уже опять устроился в своем кресле и взял газету, когда ему вдруг пришла мысль, что для мистера Кортни-Бриггза было довольно странно ехать через Винчестерские ворота. Это не самый близкий путь к его дому, и он редко ездил той дорогой. Мистер Кортни-Бриггз неизменно ездил через главные ворота. Наверное, подумал Колгейт, у него есть ключ от Винчестерских ворот. У мистера Кортни-Бриггза есть ключи почти от всех дверей больницы. Но все равно это странно.

Около двух часов ночи на дремлющем третьем этаже Дома Найтингейла Морин Берт шевельнулась во сне, пробормотала что-то нечленораздельное сквозь влажные сжатые губы и очнулась, с досадой осознав, что три чашки чаю на ночь – это слишком много, надо было ограничиться одной. Она еще немного полежала, слыша сквозь дрему завывания бури, попыталась определить, сможет ли в конце концов опять заснуть, потом поняла, что испытываемое ею неудобство невыносимо терпеть дольше, и нащупала выключатель настольной лампы. Свет ослепил ее, и она окончательно проснулась. Всунула ноги в тапочки, накинула на плечи халат и прошлепала в коридор. Когда она тихонько закрыла дверь своей спальни, неожиданный порыв ветра надул парусом оконную занавеску в дальнем конце коридора. Она пошла туда, чтобы закрыть окно. Сквозь колеблющееся переплетение ветвей и их скачущие тени на стекле она увидела здание больницы, стоящее посреди бушующей стихии подобно большому кораблю на якоре, в котором окна палат едва светятся по сравнению с ярко освещенной вертикалью носовой оконечности, где расположены кабинеты сестер и кухни. Она старательно закрыла окно и, сонно пошатываясь, побрела к туалету. Меньше чем через минуту она снова вышла в коридор и приостановилась, чтобы глаза привыкли к темноте. Из путаницы теней в конце

коридора, у лестницы, отделилась одна более густая тень, подвинулась вперед и оказалась фигурой в плаще с капюшоном. Морин была не робкого десятка и в своем полусонном состоянии только удивилась, что кто-то еще не спит и бродит по дому. Она тотчас узнала сестру Брамфетт. Пара проницательных глаз за стеклами очков всматривалась в нее из темноты. Голос сестры был неожиданно резок:

– Это одна из двойняшек Берт, да? Что вы здесь делаете? Кто-нибудь еще не спит?

– Да нет, по-моему, все спят. Я просто выходила в уборную.

– А, понятно. Что ж, хорошо, если у вас все в порядке. Я подумала, что вас встревожила буря. Я только что вернулась из моего отделения. Одному из больных мистера Кортни-Бриггза стало хуже, и его пришлось срочно оперировать.

– Да, – пробормотала Берт, не понимая, что еще от нее требуется. Ее удивило, что сестра Брамфетт стала вдруг объяснять, почему здесь оказалась, всего лишь какой-то ученице; в некотором замешательстве она смотрела, как сестра плотнее закуталась в свой длинный плащ и, тяжело ступая, направилась в другой конец коридора. Ее комната находилась этажом выше, рядом с квартирой главной сестры. Дойдя до лестницы, сестра Брамфетт оглянулась, точно хотела еще что-то сказать. Но в этот момент медленно отворилась дверь спальни Шерли Берт, и из нее показалась растрепанная рыжая голова.

– Что случилось? – спросила она сонным голосом.

Сестра Брамфетт подошла к девушкам:

– Ничего. Я просто иду к себе. Только что вернулась из отделения. А Морин вставала в уборную. Так что можешь не беспокоиться.

Шерли не производила впечатления человека, который хоть когда-нибудь беспокоится. Натягивая халат, она шагнула в коридор.

– Когда Морин просыпается, я тоже просыпаюсь, – с покорностью и некоторым самодовольством в голосе сказала она. – У нас всегда так, с младенчества. Спросите у мамы! – Слегка пошатываясь со сна, но не без удовольствия от того, что семейная магическая сила все еще действует, она закрыла за собой дверь спальни с решительностью человека, который если уж встал, то ложиться обратно не собирается. – При таком-то ветре теперь и не заснешь, нечего даже пытаться. Пожалуй, пойду приготовлю какао. Принести вам кружечку какао, сестра? Лучше заснете.

– Нет, спасибо. Я и так прекрасно засну. А вы постарайтесь не шуметь. Не разбудите остальных. И не простудитесь.

И она опять повернулась в сторону лестницы.

– Фэллон не спит, – сказала Морин. – Во всяком случае, у нее еще горит свет.

Все трое посмотрели в ту сторону, где была комната Фэллон и где лучик света из замочной скважины пронзал темноту и упирался светящимся пятнышком в обшивку стены напротив.

– Тогда мы ей отнесем кружечку, – сказала Шерли. – Она, наверно, еще читает. Пошли, Морин. Спокойной ночи, сестра.

И, шаркая шлепанцами, обе направились в конец коридора, где находилась небольшая подсобка. Сестра Брамфетт с застывшим выражением лица проводила их глазами, потом наконец отвернулась и стала подниматься по лестнице в свою спальню.

Ровно через час, хотя ни одна душа в Доме Найтингейла этого не слышала и не зафиксировала, одно из стекол в оранжерее, которое судорожно дребезжало всю ночь, не выдержало, упало внутрь и разлетелось вдребезги на мозаичном полу. Ветер ворвался через отверстие, точно зверь в поисках пищи. От его холодного дыхания зашелестели страницами журналы на плетеных столах, всколыхнулись пальмовые ветви и легонько заволновались листья папоротника. Наконец он обнаружил длинный белый шкаф, стоящий под полками с растениями. Под вечер какой-то дерзкий визитер, запустивший руку в нутро шкафа, в спешке оставил дверцу приоткрытой. Всю ночь открытая дверца неподвижно висела на своих петлях. Теперь же ветер начал тихонько

раскачивать ее из стороны в сторону, а потом, словно устав от этой игры, мягким решительным ударом окончательно захлопнул ее.

А все живое под крышей Дома Найтингейла крепко спало.

III

Жужжание будильника на прикроватной тумбочке разбудило Дэйкерс. Бледно светящийся циферблат показывал 6.15 утра. Даже с отдернутыми шторами в комнате было еще совсем темно. Слабый квадратик света падал, как она знала, не от двери, а от зажегшихся вдали огней больницы, где ночные сестры уже пили по очереди свой утренний чай. Она немного полежала неподвижно, привыкая к тому, что проснулась, и пытаясь угадать, что ждет ее сегодня. Несмотря на бурю, которую почти и не заметила, она хорошо выспалась. И с радостью поняла, что может наконец уверенно встретить новый день. Все мучения и страхи предыдущего вечера, предыдущих недель прошли и казались теперь не более чем результатом усталости и временной депрессии. С тех пор как умерла Пирс, она словно шла по туннелю мучений и неуверенности в завтрашнем дне, а сегодня утром – о чудо! – вновь вышла к дневному свету. Это было как рождественское утро в детстве. Как начало летних каникул в школе. Как ощущение бодрости, когда просыпаешься после длительной болезни и радуешься мысли, что мама рядом с тобой, а впереди тебя ждут все радости выздоровления. Ощущение, что жизнь вошла в привычную колею.

День ласково улыбался ей. Она подробно перебирала в памяти предстоящие приятные события. Утром будет лекция по лекарственным средствам. Это важно. Лекарства и дозировка всегда были ее слабым местом. Затем, после перерыва на кофе, мистер Кортни-Бриггз проводит свой семинар по хирургии для третьекурсников. Большая честь, что такой выдающийся хирург уделяет так много сил подготовке медицинских сестер. Она немного боялась его, особенно резкого стаккато его вопросов. Но сегодня она будет отвечать смело и уверенно. Потом, после обеда, больничный автобус отвезет их группу в местный центр матери и ребенка, чтобы они посмотрели, как работают тамошние специалисты. Это тоже важно для той, кто надеется со временем стать районной фельдшерицей. Она еще немного полежала, размышляя о столь многообещающей программе, потом встала с постели, сунула ноги в тапочки, напялила свой дешевый халатик и направилась по коридору к студенческой подсобке.

Каждое утро, ровно в семь часов, одна из горничных приходила будить учениц, живущих в Найтингейле, но большинство учащихся привыкли во время работы в больничных палатах просыпаться рано и ставили свои будильники на 6.30, чтобы дать себе время выпить чаю и поболтать. Ранние пташки были уже на ногах. В ярко освещенной комнатке было по-домашнему уютно и пахло, как всегда, чаем, кипяченым молоком и жидкостью для мытья посуды. Обычная спокойная обстановка. Первыми Дэйкерс увидела двойняшек Берт – обе с чуть опухшими от сна лицами, обе плотно закутанные в ярко-красные халаты. Морин держала в руках переносной приемник, настроенный на программу «Радио-2», и слегка покачивала бедрами и плечами в такт синкопам утренней передачи Би-би-си. Ее сестра ставила две огромные кружки на поднос и копалась в жестяной банке, выуживая печенье. Кроме них, там была еще только Маделин Гудейл, одетая в старомодный халат из шотландки; держа в руках заварочный чайник, она следила, когда появится первая струйка пара из чайника на плите. Испытывая облегчение и прилив оптимизма, Дэйкерс готова была обнять их всех.

– А где же Фэллон? – спросила Морин Берт без особого любопытства.

Все знали, что Фэллон встает поздно, но обычно чуть ли не первая является в подсобку. У нее была привычка, заварив чай, отнести все к себе в комнату, чтобы, лежа в постели, продлить удовольствие как можно дольше и вместе с тем вовремя прийти на завтрак. Но в это утро ее личный чайник и чашка с блюдцем – из одного сервиза – все еще стояли на полке буфета рядом с банкой китайского чая, который Фэллон предпочитала крепкому темному напитку, необходимому, как считали остальные ученицы, чтобы подготовить себя к дневным заботам.

– Я позову ее, – вызвалась Дэйкерс, радуясь тому, что может помочь, и желая отпраздновать добрыми поступками свое освобождение от нервного напряжения последних недель.

– Подожди минутку – и нальешь ей чашечку из моей посудины, – сказала Морин.

– Она не любит индийский чай. Я посмотрю, может, она проснулась, и просто скажу ей, что чайник закипает.

Дэйкерс вдруг пришло в голову самой приготовить чай для Фэллон. Но этот порыв быстро угас. Не потому, что Фэллон была чересчур неуравновешенной или

непредсказуемой в поступках, а просто никто почему-то никогда не трогал ее личные вещи и не рассчитывал, что она может разрешить ими пользоваться. Вещей у нее было мало, но все они были дорогие, изящные, тщательно подобранные и до такой степени стали частью ее существа, что уже казались неприкосновенными.

Дэйкерс чуть не бежала по коридору к комнате Фэллон. Дверь была не заперта. Это ее не удивило. С тех пор как несколько лет назад одна из учениц неожиданно ночью заболела и не смогла доползти до двери и отпереть ее – так была слаба, ввели правило, запрещающее девушкам запираться на ночь. Правда, после смерти Пирс кое-кто начал тайком поворачивать ключ в замке, а старшие сестры если и догадывались об этом, то ничего не говорили. Возможно, им тоже спалось спокойнее за запертыми дверями. Но Фэллон ничего не боялась.

Шторы были плотно задернуты. Лампа на тумбочке горела, но абажур был повернут таким образом, что отбрасывал бледное пятно света на дальнюю стену, оставляя постель в тени. На подушке темнела копна волос. Дэйкерс нащупала на стене выключатель, но не сразу включила свет. Потом очень осторожно нажала на него, как будто можно было плавно, постепенно осветить комнату, избавив Фэллон от резкого момента пробуждения. Комната озарилась слепящим светом. От неожиданности Дэйкерс заморгала. Потом тихонько подошла к кровати. Она не закричала, не упала в обморок. На мгновение застыв, она смотрела на Фэллон и бессмысленно улыбалась. Сомнений не было – Фэллон мертва. Широко открытые глаза были холодны и тусклы, как у мертвой рыбы. Дэйкерс нагнулась, пристально всматриваясь в них, словно хотела усилием воли вернуть им блеск или тщетно пыталась разглядеть в них свое отражение. Потом медленно повернулась и вышла из комнаты, выключив свет и закрыв за собой дверь. Пошатываясь, как сомнамбула, она шла, придерживаясь руками за стену, чтобы не упасть.

Сначала девушки не заметили ее возвращения. Потом вдруг три пары глаз уставились на нее, три фигурки застыли в живой картине недоуменного вопроса. Дэйкерс прислонилась к дверному косяку и беззвучно открыла рот. Слова не шли. Будто что-то случилось с ее горлом. Челюсть дрожала, а язык прилип к нёбу. Глаза ее будто молили о чем-то. Казалось, прошло несколько минут, прежде чем она справилась с собой. Когда она наконец заговорила, слова ее звучали спокойно и слегка удивленно:

– Фэллон… Она мертва. – Дэйкерс вдруг улыбнулась, словно очнувшись ото сна, и терпеливо пояснила: – Кто-то убил Фэллон.

Комната опустела. Дэйкерс даже не заметила, как ее подруги разом выскочили в коридор. Она была одна. Чайник уже вовсю кипел, крышка дребезжала от напора пара. Сосредоточенно нахмурившись, она аккуратно выключила газ. Очень медленно, словно ребенок, которому поручили сделать то, о чем он втайне мечтал, она сняла с полки коробку с чаем, изящный заварочный чайник и такую же чашку с блюдцем и, тихо напевая себе под нос, приготовила утренний чай для Фэллон.

Глава третья

Посторонние в доме

I

– Пришел патологоанатом, сэр.

Дежурный полицейский просунул свою стриженую голову в дверь спальни и вопросительно поднял брови.

Старший инспектор Скотланд-Ярда Адам Дэлглиш, тесно зажатый между изножьем кровати и дверцей шкафа, оторвался от осмотра одежды покойницы. Взглянул на часы. Было восемь минут одиннадцатого. Сэр Майлз Хониман, как всегда, пришел заблаговременно.

– Хорошо, Феннинг. Попросите его, пожалуйста, немного подождать. Через минуту мы закончим. Тогда кто-то уйдет и освободит для него место.

Голова исчезла. Дэлглиш закрыл дверцу и с трудом протиснулся между шкафом и кроватью. Четвертому человеку здесь пока явно не поместиться. Пространство между тумбочкой и окном занимала массивная фигура дактилоскописта: согнувшись чуть ли не вдвое, тот наносил кисточкой угольный порошок на

поверхность бутылки с виски, поворачивая ее за пробку. Рядом с бутылкой стояла стеклянная пластинка с отпечатками пальцев умершей, на пластинке четко просматривались все завитки и сложные линии.

– Есть там что-нибудь? – спросил Дэлглиш.

Дактилоскопист ответил не сразу, пристальнее всматриваясь в отпечатки.

– Проступают замечательные отпечатки, сэр. Сразу видно, что ее. Больше, правда, ничего нет. Похоже, малый, который продал бутылку, хорошенько обтер ее, прежде чем заворачивать. Интересно поглядеть, что мы получим на стакане.

Он посмотрел на стакан ревнивым взглядом собственника: чудом удержавшись в изгибе покрывала, стакан лежал там, куда выпал из руки девушки. И отдадут его для обследования не раньше, чем будет сделан последний фотоснимок.

Он вновь склонился над бутылкой. Позади него фотограф из Скотланд-Ярда передвигал треногу с фотоаппаратом – новеньким монорельсовым «Камбо», как заметил Дэлглиш – к правому углу в ногах кровати. Щелчок, вспышка света – и образ умершей девушки внезапно приблизился к ним и завис в воздухе, отпечатавшись на сетчатке глаза Дэлглиша. Безжалостная мгновенная вспышка усилила цвет и исказила форму. Длинные черные волосы на фоне белизны подушек превратились в растрепавшийся парик; потускневшие глаза – в стеклянные шарики, выпирающие из орбит, словно трупное окоченение выталкивало их из глазниц; очень белая гладкая кожа выглядела отталкивающе – искусственной оболочкой, плотной и непроницаемой, как винил. Дэлглиш моргнул, избавляясь от колдовского наваждения в образе несуразной марионетки, небрежно брошенной на подушку. Когда он снова взглянул на него, это была опять мертвая девушка, не больше и не меньше. Еще дважды внезапно приближался к нему искаженный образ и застывал в воздухе, потому что фотограф сделал еще два снимка «Полароидом», с тем чтобы дать Дэлглишу мгновенные отпечатки, о которых он всегда просил. На этом съемка кончилась.

– Это последний. Я закончил, сэр, – сказал фотограф. – Теперь пущу сэра Майлза. – И высунул голову за дверь в то время, как дактилоскопист, довольно хмыкнув, пинцетом любовно поднял стакан с покрывала и поставил его рядом с бутылкой.

Сэр Майлз, видимо, ждал на лестничной площадке, потому что сразу вошел в комнату – знакомая полная фигура, крупная голова с черными курчавыми волосами и острые глаза-бусинки. Он привнес с собой атмосферу bonhomie[2 - Добродушие (фр.).] мюзик-холла и, как всегда, слабый кисловатый запах пота. Его не беспокоила задержка. Но с другой стороны, сэр Майлз – патологоанатом божьей милостью или, если хотите, дилетантствующий лекарь-шарлатан – почти никогда не обижался. Он завоевал себе репутацию, а возможно, и недавно пожалованное рыцарское звание, придерживаясь принципа, что никогда никого, даже самого жалкого человека, нельзя обижать сознательно. Он приветствовал уходящего фотографа и дактилоскописта так, будто они его старые друзья, а к Дэлглишу обратился по имени. Но эта общительность была напускной: то, с каким нетерпением он воровато подкрадывался к кровати, ясно показывало, что? именно целиком поглощает его внимание.

Дэлглиш презирал его, как кладбищенского вора, что едва ли, как он сам признавал, было разумной причиной для неприязни. Ведь в совершенном мире идолопоклонники ног, несомненно, стали бы мастерами педикюра, поклонники волос – парикмахерами, а кладбищенские воры – патологоанатомами. Удивительно, что совсем немногие ими стали. Но сэр Майлз давал повод предположить, что он и есть один из немногих. Он приближался к очередному трупу с нетерпением, чуть ли не с радостью; его мрачные шутки были известны в половине клубных ресторанов Лондона; он был специалистом по смерти, который явно наслаждался своей работой. В его обществе Дэлглиша угнетало сознание собственной неприязни к этому человеку. Он будто искрился антипатией. Но сэр Майлз не замечал этого. Он слишком любил самого себя, чтобы допускать, что другие могут считать его не столь привлекательным, и эта подкупающая наивность придавала ему некоторое обаяние. Даже тем из его коллег, которые находили предосудительным его самомнение, жажду славы и безответственность большей части его публичных высказываний, было трудно испытывать к нему неприязнь в той мере, в какой они считали необходимым. Говорили, что женщины находят его привлекательным. Возможно, он притягивал их своей отвратительностью. Во всяком случае, добродушие человека, который, безусловно, считает мир приятным местом, коль скоро он в нем находится, было заразительно.

Он всегда как бы с сожалением пощелкивал языком, склоняясь над телом. Сделал так и сейчас, отдергивая простыню жеманным движением руки с пухлыми пальцами. Дэлглиш подошел к окну и устремил взгляд на сплетение ветвей, сквозь которые, подобно призрачному дворцу, повисшему в воздухе, светилось вдали здание больницы, где до сих пор горели все лампы. Он слышал

легкое шуршание простыней. Сэр Майлз проведет лишь предварительное обследование, но одной мысли о том, что эти пухлые пальцы проникают в самые деликатные отверстия тела, было достаточно, чтобы человек стал лелеять надежду умереть спокойно в собственной постели. Настоящая работа будет проделана позже на покойницком столе – алюминиевой раковине с ее зловещими аксессуарами в виде дренажных трубок и распылителей, – на котором труп Джозефин Фэллон будет методично расчленен во имя справедливости, науки, любопытства или чего-то там еще. А затем помощник сэра Майлза в морге заработает свою гинею, сшивая его вновь в пристойное подобие человеческого тела, дабы родственники могли взглянуть на него без душевной травмы. Если имеются родственники. Интересно, подумал Дэлглиш, кто из ближайших родственников Фэллон приедет на похороны, если вообще кто-нибудь приедет. На первый взгляд в ее комнате не было ничего – ни фотографий, ни писем, – что наводило бы на мысль о тесных узах хоть с одной живой душой.

Пока сэр Майлз потел и бормотал, Дэлглиш второй раз обошел комнату, старательно избегая смотреть в сторону патологоанатома. Он знал, что его брезгливость противоречит здравому смыслу, и немного стыдился ее. Не само вскрытие трупа угнетало его. Невыносимо было вот такое бесстрастное обследование еще теплого женского тела. Какие-то несколько часов назад она имела право хоть на какую-то стыдливость, могла сама выбрать врача, была вольна отвергнуть эти неестественно белые, жадно изучающие ее пальцы. Несколько часов назад она была человеком. Теперь же – мертвой плотью.

Это была комната женщины, которая предпочитала не обременять себя вещами. Только самые необходимые предметы быта и одно-два со вкусом выбранных украшения. Создавалось впечатление, будто она составила перечень необходимых вещей и приобретала их не скупясь, но точно по списку и без лишнего расточительства. Пушистый коврик у кровати был явно не из тех, которыми снабжает администрация больницы. В комнате всего одна картина, но это авторская акварель, прелестный пейзаж кисти Роберта Хиллза, и повешена так, чтобы свет из окна освещал ее наиболее эффектно. Единственный предмет на подоконнике – стаффордширская керамическая статуэтка Джона[3 - Джон Уэсли (1703–1791) – известный в Англии проповедник, основатель методистской церкви.] Уэсли, читающего проповедь с кафедры. Дэлглиш повертел ее в руках. Прекрасная работа, коллекционная вещь. Зато здесь не было ни одной из тех бесчисленных безделушек, которыми часто окружают себя живущие в казенных заведениях, чтобы создать обстановку уюта или уверенности.

Он подошел к книжному шкафу возле кровати и вновь осмотрел книги. Они тоже казались подобранными таким образом, чтобы помочь преодолеть приступы дурного настроения. Собрание современной поэзии, включая последний томик его собственных стихов; полное собрание Джейн Остин, изрядно потрепанное, но в кожаном переплете и на тонкой бумаге; несколько книг по философии, удачно сочетающие научный подход с доступностью изложения; десятка два современных романов в мягких обложках – Грин, Во, Комптон Бернетт, Хартли, Пауэлл, Кэри. Но больше всего было поэзии. Глядя на книги, Дэлглиш подумал: «У нас одинаковые вкусы. Если бы мы познакомились, нам бы было что сказать друг другу». «Я теряю частицу себя со смертью каждого человека». Конечно же, доктор Донн[4 - Джон Донн (1573–1631) – английский поэт-метафизик.]. В нашем перенаселенном мире, где самоустраненность является практически социальной необходимостью, этот слишком часто используемый афоризм превратился в модный лозунг. Но смерть некоторых людей все еще обладает такой силой: с их уходом мы теряем больше, чем с уходом других. Впервые за много лет Дэлглишем овладело чувство опустошенности, необъяснимой личной утраты.

Он прошел дальше. В ногах кровати стоял шкаф с пристроенным к нему комодом – убогим сооружением из светлого дерева, сконструированным (если кто-то вообще сознательно конструировал столь уродливый предмет) таким образом, чтобы обеспечить максимальную вместительность на минимальной площади. На крышке комода, предназначенной служить туалетным столиком, стояло небольшое зеркало. Перед зеркалом лежали расческа и щетка для волос. Больше ничего.

Дэлглиш выдвинул левый ящичек. Там была косметика: баночки и тюбики, аккуратно расставленные на подносике из папье-маше. Косметики было гораздо больше, чем он ожидал увидеть: очищающий крем, коробка косметических салфеток, крем под пудру, прессованная пудра, тени для век, тушь для ресниц. Очевидно, красилась она весьма тщательно. Но всего было по одной штуке. Никаких экспериментов, никаких случайных покупок, никаких наполовину использованных и заброшенных тюбиков с остатками крема, застывшими вокруг пробки. Этот набор говорил: «Вот то, что мне подходит. То, что мне нужно. Не больше и не меньше».

Он выдвинул правый ящик. Там не было ничего, кроме картотечной гармошки с алфавитным индексом на каждом отделении. Он просмотрел содержимое. Свидетельство о рождении. Свидетельство о крещении. Чековая книжка сберегательной кассы при почтовом отделении. Фамилия и адрес ее

поверенного. Личных писем не было. Он сунул картонку под мышку.

Подошел к шкафу и снова осмотрел одежду. Три пары брюк. Шерстяные джемперы. Зимнее пальто из ярко-красного твида. Четыре тонких шерстяных платья хорошего покроя. Все вещи отличного качества. Дорогой гардероб для студентки медучилища.

Он услышал, как сэр Майлз последний раз удовлетворенно хрюкнул, и повернулся к нему. Патологоанатом выпрямился, снимая резиновые перчатки. Такие тонкие, что казалось, будто он сбрасывает кожу.

– Умерла, по-моему, – сказал он, – примерно десять часов назад. Я сужу по ректальной температуре и степени окоченения нижних конечностей. Но это не более чем предположение, мой дорогой коллега. Вы же знаете, как все это неопределенно. Посмотрим на содержимое желудка: возможно, это даст нам ключ к разгадке. А пока, основываясь на клинических признаках, могу лишь сказать, что она умерла часом раньше или позже полуночи. Если рассуждать здраво, то, вернее всего, она умерла, когда выпила свой стаканчик спиртного на ночь.

Дактилоскопист оставил бутылку виски и стакан на столе и снимал теперь отпечатки с дверной ручки. Сэр Майлз подошел к столу и, наклонив голову, приблизил нос к краю стакана.

– Виски. А что еще? Вот в чем вопрос, дорогой коллега. Вот в чем вопрос. Одно ясно: это не едкое вещество. Никакой карболовой кислоты на этот раз. Я, кстати, не производил вскрытие той, другой девочки. Этим занимался Рикки Блэйк. Пренеприятнейшая работенка. Полагаю, вы ищете связь между этими двумя смертями?

– Не исключено, – ответил Дэлглиш.

– Может быть. Может быть. Вряд ли это была естественная смерть. Но надо подождать токсикологии. Тогда, может, что-нибудь узнаем. Нет никаких признаков удушения или удушья. Никаких внешних следов насилия, если уж на то пошло. Кстати, она была беременна. Около трех месяцев, на мой взгляд. Выявил здесь чудненькое баллотирование[5 - От balloter (фр.) – качать, качание плотного подвижного органа в среде, его окружающей (т. е. плода в

околоплодной жидкости).]. Не обнаруживал такого признака со студенческих лет. Вскрытие это, конечно, подтвердит.

Его маленькие блестящие глазки обшарили комнату.

– По всей видимости, нет никакой склянки из-под яда. Если это был яд, конечно. И никакой предсмертной записки, которые оставляют самоубийцы?

– Это не является неопровержимым доказательством, – сказал Дэлглиш.

– Знаю. Знаю. Но большинство из них оставляют маленькое billet doux[6 - Любовное письмо (фр.).]. Они любят делать признания, мой дорогой коллега. Любят делать признания. Кстати, перевозка уже здесь. Я заберу ее, если вы закончили.

– Закончили, – сказал Дэлглиш.

Он подождал, глядя, как носильщики ловко внесли в комнату носилки и с проворной деловитостью погрузили на них свой мертвый груз. Сэр Майлз суетился вокруг них, нервничая и беспокоясь, с видом знатока, который обнаружил особенно хороший экземпляр и должен тщательно проследить за его надежной транспортировкой. Когда унесли эту недвижную массу костей и твердеющих мышц – чему каждый из них способствовал по-своему, – комната сразу же стала удивительно нежилой и заброшенной. Дэлглишу знакомо было это ощущение, возникавшее, когда уносили тело, – словно опустела сцена, потерял смысл случайно расположенный реквизит и даже воздух застыл. Только что умершие окружены таинственным ореолом: недаром в их присутствии люди разговаривают шепотом. Но теперь ее уже не было, и ему нечего больше делать в комнате. Он оставил дактилоскописта описывать и фотографировать свои находки и вышел в коридор.

II

Близился полдень, но в коридоре было еще очень темно, лишь одно окно в дальнем конце просвечивало туманным квадратом за задернутыми шторами. Сначала Дэлглиш мог едва различить форму и цвет трех красных пожарных ведер, наполненных песком, и конус огнетушителя, отсвечивающий на фоне

резных дубовых панелей стен. Грубо вколоченные в деревянные панели железные крюки, на которых держались ведра, резали глаз своим несоответствием с изящными медными светильниками изогнутой формы, точно выраставшими из деревянных резных четырехлистников. Очевидно, вначале эти светильники предназначались для газового освещения, а потом наспех, бездарно и топорно, их приспособили под электричество. Медные детали давно не чистились, а изящные стеклянные абажуры, изогнутые в форме лепестков, были большей частью разбиты, и многих лепестков не хватало. Из сердцевины каждого обезображенного цветка уродливым бутоном торчал патрон с грязной слабомощной лампочкой, их слабый рассеянный свет оставлял пол в тени и лишь подчеркивал мрачность всего помещения. Кроме маленького окошка в конце коридора, здесь почти не было других источников естественного освещения. Огромный витраж в буро-красных тонах над лестничным пролетом, изображавший сцену изгнания из рая в стиле прерафаэлитов, вряд ли мог заменить окно.

Дэлглиш заглянул в комнаты, примыкающие к комнате умершей. Одна была нежилая: голая кровать, дверца шкафа приоткрыта, а ящики комода, выложенные чистыми газетами, выдвинуты, словно для того, чтобы продемонстрировать полнейшую необитаемость. Во второй кто-то жил, но, похоже, второпях ушел куда-то: одеяло было небрежно откинуто, а коврик у кровати топорщился складками. На тумбочке лежала кучка учебников; он открыл первый попавшийся под руку и прочел надпись на форзаце: «Кристин Дэйкерс». Значит, в этой комнате жила девушка, обнаружившая труп. Он внимательно осмотрел стену, разделяющую две комнаты. Это была тонкая легкая перегородка из древесноволокнистой плиты, покрашенной масляной краской, она гулко задрожала, когда он стукнул по ней. Интересно, подумал он, слышала ли Дэйкерс что-нибудь ночью. Если только Джозефин Фэллон не умерла мгновенно и беззвучно, то хоть что-то, говорящее о ее страданиях, должно было проникнуть сквозь эту хрупкую перегородку. Ему не терпелось допросить Кристин Дэйкерс. Но пока что она в шоковом состоянии, как ему сказали, лежала в сестринском лазарете. Вероятно, она в самом деле была в шоке, но даже если и нет, то Дэлглиш все равно ничего не мог сделать. На данный момент врачи надежно защищали Дэйкерс от любых расспросов полицейских.

Он продолжил свои исследования. Напротив комнат учащихся находилась большая квадратная комната с четырьмя душевыми установками, отгороженными пластиковыми занавесками, из которой можно было пройти в другое помещение, где располагались в ряд уборные и небольшие ванные

комнатки. В каждой ванной комнатке имелось окошко с матовым стеклом, которое, хоть и неудобно расположенное, было нетрудно открыть. Из этих окошек просматривался задний двор и два небольших, соединенных с основным зданием флигеля, которые были надстроены над кирпичными галереями и не соответствовали архитектурному облику здания. Казалось, архитектор, исчерпав возможности готического Возрождения и барокко, решил внести в свое творение элементы более созерцательного и духовного характера. Площадка между галереями сплошь заросла лавровыми кустами и деревьями, которые так близко подступали к дому, что чуть ли не касались своими ветвями нижних окон. Дэлглиш видел смутные фигуры людей, шарящих в кустах, слышал неясные голоса. В этих кустах была найдена выброшенная бутылка из-под дезинфицирующего средства, которое убило Хедер Пирс, и вполне вероятно, что второй сосуд с не менее смертоносным содержимым мог быть выкинут под покровом ночи из того же самого окна. На полочке в ванной лежала щетка для ногтей. Дэлглиш взял ее и, широко размахнувшись, швырнул в кусты. Он не видел и не слышал, как она упала, но из кустов высунулось веселое лицо, ему приветственно помахали рукой, и двое констеблей, занятых поисками, вновь исчезли в зарослях.

Затем он прошел в дальний конец коридора, в студенческую подсобку. Там вместе с сестрой Ролф находился сержант Мастерсон. Они рассматривали набор самых разнообразных предметов, лежащих перед ними на рабочем столе, с таким видом, словно каждый из них играл сам с собой в «Ким»[7 - «Ким» – детская игра (по имени героя романа Р. Киплинга); взглянув на ряд разнообразных предметов, играющие пытаются назвать их по памяти.]. Два выжатых лимона, вазочка с сахарным песком, целая коллекция кружек с холодным чаем, поверхность которого подернулась мутным налетом, а также изящный чайник вустерского фарфора и такие же чашка с блюдцем и молочник. Кроме того, там лежал еще мятый лист тонкой белой оберточной бумаги с надписью «Винный магазин Скантерпа, Хай-стрит, 149, Хедерингфилд» и выписанный от руки чек, разглаженный и придавленный к столу двумя баночками чая.

– Она купила виски вчера утром, сэр, – сказал Мастерсон. – На наше счастье, мистер Скантерп весьма скрупулезно выписывает чеки. Вот чек, а вот оберточная бумага. Похоже, она первый раз открыла бутылку вчера перед сном.

– Где она хранилась? – спросил Дэлглиш.

– Фэллон всегда хранила виски у себя в комнате, – ответила сестра Ролф.

Мастерсон рассмеялся:

– Неудивительно, если бутылка стоит почти три фунта.

Сестра Ролф посмотрела на него с презрением:

– Сомневаюсь, чтоб это беспокоило Фэллон. Не в ее характере было следить, сколько выпито.

– Она была такой щедрой? – спросил Дэлглиш.

– Нет, просто ей было все равно. Она держала виски в своей комнате, потому что так просила главная сестра.

Но вчера принесла бутылку сюда, чтобы приготовить себе напиток на ночь, подумал Дэлглиш. И тихонько помешал пальцем сахар.

– Сахар тут ни при чем, – заметила сестра Ролф. – Ученицы сказали мне, что они все брали сахар, когда готовили утром чай. И некоторые, по крайней мере двойняшки Берт, успели немного отпить.

– Тем не менее мы отошлем и сахар, и лимоны в лабораторию, – сказал Дэлглиш.

Он приподнял крышку чайника и заглянул внутрь.

Отвечая на его невысказанный вопрос, сестра Ролф пояснила:

– По всей видимости, Дэйкерс заваривала в нем чай. Чайник, конечно, принадлежит Фэллон. Никто, кроме нее, не заваривает утром чай в антикварном вустерском фарфоре.

– Дэйкерс приготовила чай для Фэллон до того, как узнала, что та умерла?

– Нет, после. Мне кажется, это была совершенно непроизвольная реакция. Девочка была явно в состоянии шока. Ведь она только что увидела труп Фэллон. Вряд ли она предполагала вылечить трупное окоченение с помощью горячего чая, даже лучшего китайского сорта… Вы, наверно, хотите увидеть Дэйкерс, но вам придется подождать. Она сейчас в лазарете. Думаю, вам уже сообщили. Лазарет находится в платном отделении, и за ней сейчас ухаживает сестра Брамфетт. Вот почему я здесь. Как и в полиции, у нас строго соблюдается иерархия, и, когда главная сестра отсутствует, следующей в порядке подчинения стоит Брамфетт. Так что это ей полагалось бы прыгать вокруг вас на задних лапках, а не мне. Вам, наверно, уже сказали, что мисс Тейлор была на конференции в Амстердаме и должна вот-вот вернуться. Ей пришлось срочно поехать вместо председателя местного комитета по подготовке медицинских сестер – к счастью для нее. По крайней мере хоть у одного из членов нашего руководства есть алиби.

Это Дэлглиш уже слышал, и не один раз. Казалось, каждый, с кем ему довелось здесь разговаривать, пусть даже мимолетно, считал необходимым упомянуть, объяснить или выразить сожаление по поводу отсутствия главной сестры. Но сестра Ролф была первой, кто с ехидством отметил, что это обстоятельство обеспечивало алиби мисс Тейлор, хотя бы на время смерти Фэллон.

– А как насчет остальных учениц?

– Они сейчас в малой аудитории этажом ниже. Сестра Гиринг, инструктор по практике, проводит с ними час самостоятельной подготовки. Не думаю, чтоб они могли много прочесть. Было бы лучше занять их чем-то более активным, но это трудно организовать без предварительной подготовки. Вы побеседуете с ними там?

– Не сейчас. И не там, а в демонстрационной, где умерла Пирс.

Она взглянула на него и быстро отвела глаза, но не настолько быстро, чтобы он не заметил выражение удивления и, как ему показалось, неодобрения. Она ожидала от него большей чуткости, большей деликатности. С тех пор как умерла Пирс, в демонстрационной комнате занятия не проводились. И допрашивать учениц там сразу после второй трагической смерти значило бы воскресить в памяти старые страхи с помощью новых. И если кто-нибудь из учениц на грани нервного срыва, это может добить их, а у него даже мысли не возникло, что можно воспользоваться другим помещением. Сестра Ролф,

подумал он, похожа на всех остальных. Все хотят, чтобы убийцы были пойманы, но только чтоб это делалось исключительно по-джентльменски. Все хотят, чтобы убийцы были наказаны, но только если наказание не оскорбляет их собственной чувствительности.

– Каким образом дом запирается на ночь? – спросил Дэлглиш.

– Это входит в обязанности сестры Брамфетт, сестры Гиринг и в мои; мы дежурим в порядке очереди, по целой неделе. Сейчас дежурит Гиринг. Из старших сестер только мы трое живем здесь. Ровно в одиннадцать мы запираем на замок и на засов парадную дверь и дверь на кухню. Есть еще дверь черного хода с замком «Йейл» и щеколдой изнутри. Если кому-то из учащихся или преподавателей приходится возвращаться позже, то ей выдается ключ от этой двери, и она запирает ее на щеколду, когда приходит. У старших сестер ключ находится постоянно. Есть и еще одна дверь – из квартиры главной сестры на четвертом этаже. У нее отдельная лестница и, разумеется, свой собственный ключ. Кроме того, имеются запасные выходы на случай пожара, но они все заперты изнутри. В общем, проникнуть сюда было бы нетрудно. Как, наверно, и в большинство подобных заведений. Но насколько мне известно, грабители к нам никогда не забираются. Кстати, в оранжерее выбито окно. Олдермен[8 - Олдермен – старший советник муниципалитета.] Кили, наш вице-председатель, кажется, считает, что убийца Фэллон проник именно этим путем. Он большой мастер находить удобные объяснения на все трудные случаи жизни. А мне кажется, что окно разбилось от ветра, но у вас, безусловно, будет свое мнение на этот счет.

Она чересчур разговорчива, подумал Дэлглиш. Впрочем, словоохотливость – наиболее распространенная реакция человека на потрясение или нервное напряжение, и каждый следователь старается этим воспользоваться. Завтра она будет презирать себя за свою болтливость, и чем больше она будет себя презирать, тем труднее с ней будет работать, тем меньше можно рассчитывать на ее содействие. А пока она говорила ему больше, чем сама о том догадывалась.

Конечно, надо будет взглянуть на разбитое окно и проверить, нет ли на раме следов вторжения. Но маловероятно, что убийство Фэллон было делом рук постороннего человека.

– Сколько человек ночевали в доме прошлой ночью? – спросил он.

– Брамфетт, Гиринг и я. Брамфетт выходила на какое-то время. Как я понимаю, ее вызывал в палату мистер Кортни-Бриггз. Мисс Коллинз была здесь. Это экономка. И еще пять учениц: Дэйкерс, двойняшки Берт, Гудейл и Пардоу. Ну и Фэллон, конечно. Если только ей вообще удалось поспать! Кстати, у нее всю ночь горела настольная лампа. Двойняшки Берт вставали в начале третьего, делали себе какао и чуть было не пошли угощать Фэллон. Если б они это сделали, у вас было бы более четкое представление о времени смерти. Но они подумали, что она, наверно, уснула со светом и не слишком-то обрадуется, если ее разбудят, пусть даже видом и запахом какао. Для двойняшек единственный способ успокоиться – это поесть или попить чего-нибудь, но, слава богу, они достаточно взрослые, чтобы понимать, что не все разделяют их пристрастия и что Фэллон в особенности предпочла бы сон и одиночество чашке какао и их обществу.

– Я поговорю с двойняшками Берт. А что вы скажете о территории больницы? Она не закрывается на ночь?

– В сторожке у главных ворот всегда дежурит привратник. Главные ворота не запираются из-за карет «скорой помощи», но он всегда следит, кто приходит или уходит. Дом Найтингейла расположен ближе к задним воротам, но мы обычно не ходим туда пешком, потому что дорога плохо освещена и идти там довольно страшно. Кроме того, эти ворота выходят на Винчестер-роуд, а от нее до центра города почти две мили. И зимой, и летом кто-нибудь из привратников запирает эти ворота с началом сумерек, но у всех старших сестер и у Главной имеются ключи.

– А ученицы с ночным пропуском?

– Они должны пользоваться главными воротами и идти по основной дороге вокруг больницы. Есть и более короткий путь через парк, которым мы пользуемся днем, – это около двухсот ярдов, – но мало кто ходит через парк ночью. Полагаю, мистер Хадсон, директор больницы, даст вам план территории и Дома Найтингейла. Кстати, он и вице-председатель ждут вас в библиотеке. Председатель, сэр Маркус Коуэн, сейчас в Израиле. Но и их достаточно для торжественной встречи высокого гостя. Даже мистер Кортни-Бриггз отложил прием амбулаторных больных, чтобы приветствовать Скотланд-Ярд в Доме Найтингейла.

– Раз так, – сказал Дэлглиш, – не будете ли вы любезны сообщить им, что я скоро приду?

Он давал понять, что больше ее не задерживает. Словно стараясь смягчить обстановку, сержант Мастерсон вдруг громко сказал:

– Сестра Ролф очень помогла нам.

Женщина насмешливо фыркнула:

– Помогла полиции! Нет ли в этой фразе подозрительного намека? Во всяком случае, не думаю, что я могу чем-то особенно помочь. Я никого не убивала. А вчера вечером я смотрела фильм в местном кинотеатре. У них там показ всех фильмов Антониони. На этой неделе идет «Приключение». Я вернулась за несколько минут до одиннадцати и сразу пошла спать. И даже не видела Фэллон.

Не возражая, Дэлглиш с горечью отметил первую ложь; сколько еще он услышит лжи, крупной и мелкой, прежде чем закончится расследование? Но сейчас было не время допрашивать сестру Ролф. Она будет нелегким свидетелем. На его вопросы она отвечала хоть и полно, но с нескрываемой неприязнью. И непонятно было, что ей не нравилось: он сам, или его работа, или любой мужчина вызывал у нее такое сердитое презрение в голосе. Ее лицо соответствовало ее характеру, раздражительному и воинственному. Сильное и умное, оно было лишено мягкости, женственности. Глубоко посаженные, очень темные глаза могли бы быть привлекательными, если бы не нависшие над ними совершенно прямые черные брови, такие черные и густые, что из-за них лицо казалось уродливым. Нос был большой и пористый, а тонкие губы непреклонно сжаты. Это было лицо женщины, которая так и не нашла свое место в жизни и, возможно, оставила попытки сделать это. Он вдруг подумал, что если она окажется убийцей и ее фотография будет опубликована, то другие женщины, жадно ища в этой жесткой маске следы порочности, согласятся, что их это не удивляет. Ему вдруг стало жалко ее; такую жалость, смешанную с раздражением и состраданием, обычно испытывают к неполноценным людям и уродам. Он быстро отвернулся, чтобы она не заметила этого неожиданного приступа жалости. Понимал, что для нее это было бы наибольшим оскорблением. А когда повернулся опять, чтобы официально поблагодарить ее за помощь, она уже ушла.

III

Сержант Мастерсон был высок ростом (сто восемьдесят восемь сантиметров) и широк в плечах. Он легко носил свое тело, и все движения его были удивительно точны и выверены для такого грузного и чрезвычайно энергичного человека. Его многие считали красивым, особенно он сам, а своим волевым лицом, чувственными губами и непроницаемым взглядом он поразительно напоминал известного американского киноактера, игравшего в ковбойских фильмах. Дэлглиш иногда подозревал, что сержант, зная об этом своем сходстве – а он уж наверняка знал, – еще усиливал его, стараясь говорить с едва заметным американским акцентом.

– Хорошо, сержант. Вы имели возможность осмотреть место происшествия, кое с кем разговаривали. Расскажите мне о своих впечатлениях.

Такое предложение, как известно, вселяло ужас в сердца подчиненных Дэлглиша. Это значило, что теперь старший инспектор хочет услышать краткое, сжатое, точное и четко сформулированное сообщение о преступлении, из которого человек, не знакомый с этим делом, мог бы получить все наиболее важные сведения. Способность не только знать, что ты хочешь сказать, но и выразить это с помощью минимума необходимых слов такая же редкость среди полицейских, как и среди других членов общества. Подчиненные Дэлглиша жаловались, что не знали, будто теперь для поступления на службу в департамент криминальной полиции требуется еще и ученая степень в знании английского. Но сержанта Мастерсона было не так легко испугать, как большинство его товарищей. У него были свои недостатки, но уверенности в себе ему всегда хватало. Он был рад, что участвует в этом расследовании. В Скотланд-Ярде все знали, что старший инспектор Дэлглиш не выносит дураков и что у него выработано свое собственное четкое определение глупости. Мастерсон уважал его, потому что Дэлглиш был одним из наиболее преуспевающих сыщиков в Скотланд-Ярде, а успех для Мастерсона был единственным стоящим мерилом. Он находил его очень способным, из чего вовсе не следует, что он считал Адама Дэлглиша таким же способным, как Чарлз Мастерсон. Вообще-то он очень недолюбливал Дэлглиша, но предпочитал не тратить время на исследование причин этой неприязни. Он подозревал, что их антипатия взаимна, но это не слишком его беспокоило. Дэлглиш был не тем человеком, который стал бы портить карьеру своему подчиненному из-за неприязни к нему: его щепетильность и вместе с тем беспристрастность в признании заслуг там, где они действительно существуют, были широко

известны. Надо только проявлять осмотрительность, и Мастерсон собирался быть начеку. Дурак тот честолюбец, который, тщательно спланировав свое продвижение по служебной лестнице, не осознал с самого начала, что противоречить старшему по званию чертовски глупо. Быть таким дураком у Мастерсона не было никакого желания. Хотя небольшое снисхождение со стороны шефа в их добровольном сотрудничестве не помешало бы. А он не был уверен, что получит его.

– Я буду рассматривать эти две смерти по отдельности, сэр, – сказал он. – Первой жертвой…

– Почему вы говорите как репортер уголовной хроники, сержант? Давайте сначала удостоверимся, что перед нами жертва, прежде чем употреблять это слово.

– Первая умершая… – начал Мастерсон, – первой умерла в возрасте двадцати одного года учащаяся медучилища Хедер Пирс. – Дальше он рассказал подробности смерти обеих девушек, насколько они были известны, стараясь избегать наиболее ярких образчиков полицейского жаргона, к которым, как он знал, его шеф был болезненно чувствителен, а также удерживаясь от искушения продемонстрировать свои недавно приобретенные познания в области внутрижелудочного кормления, о котором он потрудился выжать из старшей сестры Ролф исчерпывающее, хотя и весьма сдержанное объяснение. И закончил словами: – Таким образом, сэр, мы можем предположить, что одна или обе смерти явились результатом самоубийства; что одна или обе были случайны, что в первом случае было убийство, но жертвой по ошибке оказалась другая девушка или что имели место два преднамеренных убийства. Занятный выбор, сэр.

– Или что смерть Фэллон, – сказал Дэлглиш, – была результатом естественных причин. До тех пор пока мы не получим данные токсикологического анализа, наши рассуждения опережают факты. Но пока мы рассматриваем оба случая как убийство. Ну что ж, пойдемте в библиотеку и посмотрим, что скажет нам вице-председатель административного комитета больницы.

IV

Библиотека, которую легко было найти по большой красивой вывеске над дверью, оказалась приятной комнатой с высоким потолком, помещавшейся рядом со студенческой гостиной на втором этаже. Одну стену полностью занимали три нарядных окна эркера, а по трем другим от пола до потолка шли полки с книгами. Меблировку составляли четыре стола, вытянувшиеся в ряд перед окнами, и два обшарпанных дивана по обеим сторонам камина, откуда доносилось мрачное шипение старинной газовой печки. Когда Дэлглиш с Мастерсоном вошли, четверо мужчин, которые стояли перед камином под двумя полосками люминесцентных ламп и заговорщически перешептывались, одновременно повернулись и посмотрели на них с настороженным любопытством. Дэлглишу это было знакомо: мгновение, в котором смешались интерес, опасение и надежда, первая встреча главных действующих лиц в деле об убийстве с чужаком, экспертом по расследованию насильственной смерти, нежданно-негаданно появившимся среди них, чтобы продемонстрировать свои вызывающие зависть способности.

Потом тишина нарушилась, застывшие фигуры ожили. Стивен Кортни-Бриггз и директор больницы Пол Хадсон – с ними Дэлглиш уже встречался, – изобразив приветственную улыбку, шагнули вперед. Мистер Кортни-Бриггз, который, очевидно, брал бразды правления всякий раз, когда удостаивал общество своим присутствием, представил собравшихся. Рукопожатие начальника местного отдела здравоохранения Реймонда Гроута было вялым. Печальное его лицо теперь и вовсе сморщилось от огорчения, как лицо ребенка, который вот-вот заплачет. Волосы прядями серебристого шелка падали на высокий лоб. Возможно, он выглядит старше своих лет, подумал Дэлглиш, но все равно уже близок к пенсионному возрасту.

Рядом с высокой сутулой фигурой Гроута олдермен Кили выглядел задиристым терьером. Это был рыжеволосый человек с лисьей мордочкой и кривыми, как у жокея, ногами, одетый в клетчатый костюм, отлично сшитый, что только подчеркивало его ужасный фасон. Он так походил на человекообразного зверька из детских кинокомедий, что Дэлглиш почти не удивился бы, если бы ему пришлось вместо руки пожать лапу.

– Очень хорошо, что вы пришли, инспектор, и с такой поспешностью, – сказал он.

Тут же, видимо, сообразив, что сморозил глупость, он метнул острый взгляд из-под колючих рыжих бровей на своих компаньонов, словно пресекая их ухмылки. Никто и не ухмылялся; правда, вид у начальника отдела здравоохранения был

подавленный, будто это он сам допустил промах, а Пол Хадсон отвернулся, чтобы скрыть смущенную улыбку. Это был привлекательный молодой человек, который, когда Дэлглиш впервые приехал в больницу, проявил себя энергичным и авторитетным администратором. Теперь же присутствие вице-председателя и начальника отдела здравоохранения, казалось, лишило его дара речи, и он стоял с виноватым видом человека, которого пригласили сюда из милости.

– Я полагаю, – сказал мистер Кортни-Бриггз, – что новостей еще никаких нет. Мы видели, как отъезжала перевозка, а я перекинулся парой слов с Майлзом Хониманом. Он, конечно, не может пока ни за что поручиться, но был бы удивлен, если б девушка умерла естественной смертью. Она покончила с собой. По-моему, это всем ясно.

– Ничего еще не ясно, – возразил Дэлглиш.

Наступила тишина. Наверное, вице-председателю такое молчание показалось неловким, потому что он громко прокашлялся и сказал:

– Вам, конечно, понадобится кабинет. Местные сыщики вели работу из здешнего полицейского участка. Они нас совсем не беспокоили. Мы почти не замечали, что они здесь. – И посмотрел на Дэлглиша с робкой надеждой, что оперативный полицейский отряд будет таким же уживчивым.

– Нам понадобится комната, – резко ответил Дэлглиш. – Можно ли выделить нам что-нибудь в Доме Найтингейла? Это было бы удобней всего.

Его просьба, казалось, привела их в замешательство.

– Если бы главная сестра была здесь… – попытался возразить начальник отдела здравоохранения, – нам сложно выяснить, какие помещения свободны. Но она скоро приедет.

– Нельзя же все откладывать до главной сестры, – проворчал олдермен Кили. – Инспектору нужна комната. Так найдите ее.

– Ну, на первом этаже, рядом с демонстрационной, находится кабинет мисс Ролф. – Начальник отдела здравоохранения обратил свой печальный взор на

Дэлглиша: – Вы, конечно, уже встречались с мисс Ролф, директрисой нашего медучилища. Вот если бы мисс Ролф могла временно переехать в комнату своей секретарши… Мисс Бакфилд сейчас нет, у нее грипп, так что комната свободна. Правда, она совсем маленькая, просто чулан, но если главная сестра…

– Попросите мисс Ролф забрать оттуда все, что ей нужно. Привратники могут передвинуть шкафы с документами. – Олдермен Кили повернулся к Дэлглишу и тявкнул: – Вас устроит?

– Если это отдельная комната с достаточно хорошей звукоизоляцией, с замком в двери и прямой телефонной связью и в ней хватит места для трех человек, то устроит. А если в ней есть еще и водопроводный кран, то совсем хорошо.

Отрезвленный таким внушительным перечнем требований, вице-председатель робко предложил:

– На первом этаже, напротив кабинета мисс Ролф, есть небольшая раздевалка с туалетом. Можно было бы отдать ее в ваше распоряжение.

Выражение лица мистера Гроута стало еще более страдальческим. Он посмотрел на мистера Кортни-Бриггза, как бы ища союзника, но последние несколько минут хирург был странно молчалив и, казалось, не хотел встречаться с ним глазами. Зазвонил телефон. Явно обрадовавшись возможности хоть что-то сделать, мистер Хадсон вскочил и снял трубку.

– Это из «Кларион», сэр, – сказал он, повернувшись к вице-председателю. – Просят вас лично.

Олдермен Кили энергичным жестом схватил трубку. Решив утвердить свой авторитет, он, видимо, готов был контролировать любую ситуацию, и это был как раз тот случай, когда он мог себя проявить. Убийство, наверное, не укладывалось в сферу его привычных забот, а вот разговор с представителем местной газеты – это совсем другое дело, здесь он понимал, что надо действовать осторожнее.

– Олдермен Кили у телефона. Вице-председатель административного комитета. Да, у нас здесь Скотланд-Ярд. Жертва? Не думаю, что речь идет о жертве. По крайней мере пока. Фэллон. Джозефин Фэллон. Возраст? – Он прикрыл трубку

рукой и повернулся к начальнику отдела здравоохранения. Как ни странно, ему ответил мистер Кортни-Бриггз.

– Ей было тридцать один год и десять месяцев, – сказал он. – Она была ровно на двадцать лет младше меня, день в день.

Не удивившись его неожиданной помощи, олдермен Кили вернулся к своему собеседнику:

– Ей был тридцать один год. Нет, мы пока не знаем причину смерти. Никто не знает. Ждем результатов вскрытия. Да, старший инспектор Дэлглиш. Он сейчас здесь, но очень занят и не может говорить. Надеюсь сегодня вечером передать заявление для печати. К этому времени мы должны получить результат вскрытия. Нет, никаких оснований подозревать убийство нет. Начальник полиции позвонил в Скотланд-Ярд из предосторожности. Нет, насколько нам известно, никакой связи между двумя смертями нет. Очень жаль. Да, очень. Если позвоните около шести, возможно, я смогу сообщить вам что-то еще. Все, что мы знаем на данный момент, – это что Фэллон была найдена мертвой в своей постели сегодня утром в начале восьмого. Вполне возможно, это был сердечный приступ. Она только что перенесла грипп. Нет, записки не было. Ничего такого. – Он послушал еще немного, потом опять прикрыл трубку рукой и повернулся к Гроуту: – Спрашивает насчет родственников. Что мы знаем о них?

– У нее не было родственников. Фэллон была сиротой.

Это опять ответил мистер Кортни-Бриггз.

Олдермен Кили передал его слова и положил трубку.

Мрачно улыбаясь, он бросил на Дэлглиша взгляд, в котором соединились самодовольство и предостережение. Дэлглишу было любопытно услышать, что Скотланд-Ярд вызвали из предосторожности. Нечто новое в толковании назначения оперативного отряда полиции, но вряд ли это обманет парней из местной газеты, а тем более лондонских репортеров, которые очень скоро разнюхают об этой истории. Интересно, думал он, каким образом собирается больница избежать огласки? Придется дать кое-какой совет олдермену Кили, иначе расследование будет затруднено. Но пока можно подождать, время есть. А сейчас ему нужно только одно – избавиться от всех них и приступить к работе.

Эти предварительные светские переговоры всегда были лишь досадной потерей времени. Да еще скоро появится главная сестра, которую придется успокаивать, с ней советоваться, а может быть, и спорить. Судя по нежеланию начальника отдела здравоохранения предпринимать какие-либо шаги без ее согласия, она, должно быть, сильная личность. Его вовсе не прельщала перспектива как-то исхитряться, чтобы дать ей понять, что в этом расследовании есть место лишь для одной сильной личности.

Мистер Кортни-Бриггз, который все это время стоял у окна и смотрел на потрепанный бурей сад, повернулся и, стряхнув с себя глубокую задумчивость, сказал:

– Боюсь, не могу уделить вам сейчас больше времени. Мне нужно посмотреть больного в платном отделении и сделать обход. Немного позже я должен был прочесть здесь лекцию, но теперь придется ее отменить. Дайте мне знать, Кили, если понадобится моя помощь.

Дэлглиша он игнорировал. Старался создать впечатление, что он занятой человек, который и так потратил слишком много времени на пустяки. Дэлглиш не поддался искушению задержать его. Как ни приятно было бы укротить высокомерие мистера Кортни-Бриггза, сейчас он не мог позволить себе такой роскоши. Его внимания требовали более срочные дела.

И в этот момент они услышали шум подъезжающей машины. Мистер Кортни-Бриггз вернулся к окну и выглянул наружу, но ничего не сказал. Остальные явно напряглись и, словно подчиняясь какой-то силе, повернулись лицом к двери. Хлопнула дверца машины. На несколько секунд все смолкло, потом послышались быстрые шаги по мозаичному полу. Открылась дверь, и в комнату вошла главная сестра.

Первым впечатлением Дэлглиша было ощущение подчеркнутой и вместе с тем небрежной элегантности и почти осязаемой уверенности в себе. Высокая стройная женщина с бледно-золотистой кожей и почти такого же цвета волосами, которые были зачесаны назад, открывая высокий лоб, и свернуты замысловатым колечком на затылке. Без шляпы, в сером твидовом пальто, ярко-зеленый шарфик завязан под самое горло, в руках – черная сумочка и небольшой чемоданчик. Она спокойно вошла в комнату и, положив чемоданчик на стол и сняв перчатки, молча оглядела собравшихся. Почти инстинктивно, словно наблюдая за свидетелем, Дэлглиш обратил внимание на ее руки. Очень белые

пальцы, длинные и тонкие, с неожиданно широкими косточками суставов. Ногти коротко острижены. На среднем пальце правой руки мерцает огромный сапфир в изысканной оправе, отбрасывая блики на костяшки пальцев. Интересно, вдруг ни с того ни с сего подумал Дэлглиш, снимает ли она кольцо, когда выходит на дежурство, и если да, то как она умудряется протащить его через такой широкий сустав?

Мистер Кортни-Бриггз, коротко бросив: «Доброе утро, сестра», подошел к двери и остановился там с видом скучающего гостя, демонстрируя свое стремление поскорее откланяться. Зато остальные обступили ее со всех сторон. Сразу почувствовалось облегчение. Дэлглиша и главную сестру представили друг другу.

– Доброе утро, инспектор.

Голос у нее был низкий и хрипловатый, запоминающийся, как и ее внешность. Казалось, она едва обратила на Дэлглиша внимание, но в то же время он уловил на себе быстрый оценивающий взгляд зеленых, навыкате, глаз. Рукопожатие ее было крепким и спокойным, но таким быстрым, что показалось лишь мимолетным касанием ладоней.

– Полиции понадобится комната, – сказал вице-председатель. – И мы подумали… может быть, кабинет мисс Ролф?..

– По-моему, он слишком мал и, кроме того, совсем рядом с главным вестибюлем: там шумно. Будет лучше, если мистер Дэлглит воспользуется комнатой для посетителей на втором этаже и туалетной рядом с ней. Она запирается на ключ. А в канцелярии есть стол с запирающимися ящиками, который можно перенести наверх. Так и полицейским не будут мешать, и они не очень нарушат ритм работы училища.

Прошелестел одобрительный шепот. Лица мужчин облегченно разгладились.

Главная сестра обратилась к Дэлглиту:

– А спальня вам нужна? Вы будете ночевать в больнице?

– В этом нет нужды. Мы остановимся в городе. Но работать я предпочел бы здесь. Вероятно, мы будем каждый день задерживаться допоздна, так что было бы удобнее, если б у нас были ключи.

– Надолго ли? – спросил вдруг вице-председатель.

Вопрос явно глупый; тем не менее Дэлглиш заметил, как все повернулись к нему, словно ожидая, что именно на этот вопрос он ответит. Он знал, что славился умением быстро проводить расследование. Может, им это тоже было известно?

– Примерно на неделю, – ответил он.

Даже если дело затянется дольше, семи дней хватит, чтобы выяснить все, что ему нужно, о Доме Найтингейла и его обитателях. Если Фэллон убили – а он считал, что так оно и есть, – то число подозреваемых будет небольшим. Если убийство не раскроется за неделю, оно может не раскрыться никогда. Ему показалось, что все с облегчением вздохнули.

– Где она? – спросила мисс Тейлор.

– Тело отвезли в морг, сестра.

– Я имела в виду не Фэллон. Где Дэйкерс? Как я поняла, именно она обнаружила труп.

– Ее поместили в платное отделение, – ответил олдермен Кили. – Она была в сильном шоке, и мы попросили доктора Снеллинга посмотреть ее. Он дал ей успокаивающее, а сестра Брамфетт взялась ухаживать за ней. – Помолчав, он добавил: – Сестру Брамфетт немного тревожило состояние девушки. И кроме того, у нее сейчас довольно тяжелая палата. Иначе она бы встретила вас в аэропорту. Нам всем очень неловко, что никто вас не встретил, но мы решили, что лучше дать вам телефонограмму с просьбой позвонить сюда сразу, как только самолет приземлится. Сестра Брамфетт сказала, что новость будет для вас не столь сильным ударом, если вы узнаете о ней таким вот образом. А с другой стороны, наверно, плохо, что никого не было. Я хотел послать Гроута, но…

В прервавшем его хрипловатом голосе слышался спокойный упрек:

– Думаю, меньше всего вы беспокоились о том, как уберечь меня от этого удара. – Она повернулась к Дэлглишу: – Минут через сорок пять я буду у себя в гостиной на четвертом этаже. Если вас устроит это время, я была бы рада переговорить с вами.

Едва не поддавшись порыву ответить послушным: «Хорошо, сестра», Дэлглиш сказал, что его это устроит. Мисс Тейлор повернулась к олдермену Кили:

– Сейчас я хочу навестить Дэйкерс. Потом инспектор Дэлглиш побеседует со мной, после чего я буду у себя в кабинете в здании больницы: это на тот случай, если я потребуюсь вам или мистеру Гроуту. Разумеется, вы можете обращаться ко мне в течение всего дня.

Не сказав больше ни слова и ни на кого не глядя, она взяла свой чемоданчик и сумочку и вышла из комнаты. Мистер Кортни-Бриггз небрежным движением открыл для нее дверь и приготовился следовать за ней. Стоя в дверях, он с ехидством сказал:

– Ну, раз главная сестра на месте и такой важный вопрос, как помещение для полиции, решен, то, наверно, теперь можно и больнице разрешить продолжить работу. А на вашем месте, Дэлглиш, я бы не опаздывал на беседу. Мисс Тейлор не привыкла к неподчинению.

И захлопнул за собой дверь. Олдермен Кили немного помолчал с растерянным видом.

– Он, конечно, расстроен, – сказал он. – Что ж, это естественно. Ведь ходили слухи… – Тут его взгляд упал на Дэлглиша. Запнувшись на полуслове, он повернулся к Полу Хадсону: – Ну, мистер Хадсон, вы слышали, что сказала главная сестра? Полиции надо предоставить комнату для посетителей, на этом этаже. Не мешкайте, мой дорогой. Приступайте к делу.

V

Прежде чем идти в платное отделение, мисс Тейлор переоделась в форменное платье. Кажется, сделала это автоматически, просто по привычке, но, торопливо шагая по узенькой тропинке от Дома Найтингейла к больнице и на ходу плотнее запахивая плащ, она поняла, что привычное действие не лишено смысла. Для больницы, конечно, важно, что главная сестра вернулась, но надо еще, чтобы все увидели, что она вернулась.

Самый короткий путь в платное отделение был через вестибюль поликлиники. Тут уже начался трудовой день. Быстро заполнялись удобные кресла, заботливо расставленные таким образом, чтобы создать иллюзию непринужденности и уюта, располагающую к отдыху. Добровольцы из женского комитета Общества друзей уже восседали за дымящимся электрочайником, подавая чай тем постоянным пациентам, которые предпочитали приходить за час до назначенного времени ради удовольствия посидеть в тепле, почитать журналы и поболтать с такими же завсегдатаями. Проходя мимо них, мисс Тейлор чувствовала на себе их взгляды. На мгновение воцарилась тишина, после чего послышался привычный шелест почтительных приветствий. Каким-то боковым зрением она заметила, как молодые сотрудницы в белых халатах поспешно посторонились, давая ей дорогу, как ученицы медучилища отступили к стенке.

Платное отделение находилось на третьем этаже корпуса, который до сих пор назывался новым, хотя его строительство закончилось в 1945 году. Мисс Тейлор поднялась на лифте вместе с двумя рентгенологами и молодым врачом, живущим при больнице. Пробормотав положенное: «Здравствуйте, сестра», они застыли в напряженном молчании, а когда лифт остановился, посторонились, пропуская ее.

Платное отделение состояло из двадцати одноместных палат, расположенных по обе стороны широкого центрального коридора. Сразу за входной дверью находились кабинет сестры, кухня и подсобка. Когда мисс Тейлор вошла в отделение, из кухни показалась молоденькая ученица-первокурсница. Увидев главную сестру, она покраснела и промямлила что-то насчет того, что надо позвать старшую сестру.

– А где старшая сестра?

– В седьмой палате с мистером Кортни-Бриггзом, мэм. Его пациент не совсем в порядке.

– Не беспокойте их; просто скажите старшей сестре, когда она появится, что я пришла навестить Дэйкерс. Где она лежит?

– В третьей палате, мэм. – Девушка остановилась в нерешительности.

– Не волнуйтесь, я сама найду дорогу. Занимайтесь своими делами.

Палата номер 3, одна из шести одноместных палат, которые обычно оставляли в резерве для заболевших медсестер, находилась в дальнем конце коридора. И только когда все эти палаты были заняты, заболевших сотрудников помещали в служебные комнаты при других отделениях. Это не та палата, отметила мисс Тейлор, которую занимала Джозефин Фэллон, когда болела. Палата номер 3 – самая приятная и солнечная из всех шести палат для медсестер. Неделю назад в ней лежала сестра с постгриппозной пневмонией. Мисс Тейлор, которая каждый день обходила все палаты в больнице и получала ежедневные сводки о состоянии каждой заболевшей медсестры, подумала, что вряд ли сестра Уилкинз поправилась настолько, чтоб ее можно было выписать. Скорее всего сестра Брамфетт перевела ее в другое место, чтобы освободить палату номер 3 для Дэйкерс. Мисс Тейлор догадывалась почему. Из ее окна был виден газон и аккуратно взрыхленные цветочные клумбы перед фасадом больницы; зато Дом Найтингейла отсюда нельзя было увидеть совсем, даже сквозь голые кроны сбросивших на зиму листву деревьев. Милая Брамфетт! Так воинственно консервативна в своих принципах и вместе с тем так тонко продумывает все мелочи, когда дело касается благополучия и удобства ее пациентов. Брамфетт, которая так путано говорит о долге, послушании и верности, но которая совершенно точно знает, что она имеет в виду под этими непопулярными терминами, и живет согласно своим представлениям. Она была и навсегда останется одной из лучших палатных сестер в больнице Джона Карпендара. Однако мисс Тейлор была рада, что преданность долгу помешала сестре Брамфетт встретить ее самолет в Хитроу. Достаточно того, что, возвращаясь домой, узнаешь о новой трагедии, чтобы терпеть вдобавок еще и выражение собачьей преданности и заботы со стороны Брамфетт.

Она выдвинула табуретку из-под кровати и села рядом с девушкой. Несмотря на успокоительное лекарство, прописанное доктором Снеллингом, Дэйкерс не спала. Она неподвижно лежала на спине, уставившись в потолок. Теперь она перевела взгляд на главную сестру. Он был полон страдания. На прикроватной тумбочке лежал учебник «Лекарственные средства» для медсестер. Мисс Тейлор взяла его в руки.

– Вы очень добросовестны, сестра, но почему бы – хоть на то короткое время, что вы здесь находитесь, – не взять какой-нибудь роман из библиотечки Красного Креста или какой-нибудь легкий журнал? Может, принести вам что-нибудь такое?

Ответом ей был поток слез. Хрупкая фигурка содрогалась от рыданий, зарывшись головой в подушку и обхватив ее руками. От этого приступа горя сотрясалась вся постель. Мисс Тейлор встала, подошла к двери и, сдвинув дощечку, закрыла смотровой глазок. Затем быстро вернулась на место и стала ждать, не говоря ни слова и не двигаясь, лишь положив руку на голову девушки. Через несколько минут страшные судороги прекратились и Дэйкерс немного успокоилась. Прерывающимся от рыданий голосом она заговорила в подушку, так что ее было едва слышно:

– Мне так плохо, так стыдно…

Мисс Тейлор наклонилась к ней, чтобы разобрать слова. И похолодела от ужаса. Неужели она слышит признание в убийстве? Не может быть! Шепотом она начала молиться:

– Боже милостивый, только не это. Не это дитя! Не может быть, чтобы это дитя…

Она ждала, не смея задать вопрос. Дэйкерс перевернулась и посмотрела на нее: покрасневшие и опухшие глаза были как две бесформенные луны на покрывшемся пятнами, искаженном страданием лице.

– Я грешница, сестра, грешница… Я была рада, когда она умерла.

– Кто? Фэллон?

– Нет, не Фэллон! Мне было жалко Фэллон. Пирс.

Мисс Тейлор положила обе руки на плечи девушки, прижимая ее к постели. Глядя в полные слез глаза, она крепко держала дрожащее тело.

– Скажите мне правду, сестра. Это вы убили Пирс?

– Нет, мэм.

– А Фэллон?

– Нет, мэм.

– А вы имеете какое-нибудь отношение к их смерти?

– Нет, мэм.

Мисс Тейлор облегченно вздохнула. Разжала руки и выпрямилась.

– Думаю, будет лучше, если вы мне все расскажете.

И вот, успокоившись, девушка поведала трогательную историю. Сначала это не казалось воровством. Это казалось чудом. Мамочке так нужно было теплое зимнее пальто, и Дэйкерс каждый месяц откладывала по тридцать шиллингов от своего жалованья. Только деньги надо было копить очень долго, а на улице становилось все холоднее, а мамочке, которая никогда не жаловалась и никогда ни о чем ее не просила, приходилось иногда ждать утром автобуса почти пятнадцать минут, и она часто простужалась. Но даже простудившись, она не могла остаться дома – одна из покупательниц, мисс Аркрайт, только и ждала случая, чтобы мамочку уволили. Конечно, обслуживание покупателей в универмаге не самая подходящая работа для мамочки, но ведь так трудно найти работу, когда возраст уже за пятьдесят и нет квалификации, к тому же молодые продавщицы в отделе не отличаются добротой. Они все время намекают, будто мамочка нерасторопна, что в общем-то неправда. Может быть, мамочка и не так быстро двигалась, как они, но она действительно старалась угодить клиентам.

А тут Харпер уронила две новенькие хрустящие пятифунтовые банкноты почти к самым ее ногам. Харпер, которой отец давал так много карманных денег, что она могла потерять десять фунтов и вовсе о них не беспокоиться. Это произошло примерно четыре недели назад. Харпер шла вместе с Пирс от общежития медсестер к больничной столовой на завтрак, а Дэйкерс шла в нескольких футах позади них. Две банкноты выпали из кармана плаща Харпер и, тихонько кружась, опустились на тропинку. Ее первым побуждением было окликнуть подруг, но было что-то в самом виде этих денег, что остановило ее. Эти банкноты были так неожиданны, так невероятны, так прекрасны в своей

хрустящей первозданности. Она просто стояла и смотрела на них, совсем недолго, какой-то миг, а потом поняла, что смотрит на новое пальто для мамочки. Но к тому времени две девушки почти совсем скрылись из виду, банкноты были зажаты в кулаке, и момент был упущен.

– Каким образом Пирс узнала, что деньги у вас? – спросила главная сестра.

– Она сказала, что видела меня. Она случайно оглянулась, когда я наклонилась, чтобы поднять банкноты. Тогда она не придала этому значения, но когда Харпер рассказала всем, что потеряла деньги и что, наверно, они выпали из кармана ее плаща по дороге на завтрак, Пирс догадалась, что произошло. Они с Харпер и двойняшками обшарили всю тропинку, думали – найдут эти деньги. Наверное, именно тогда она и вспомнила, как я нагнулась.

– А когда она первый раз заговорила с вами об этом?

– Через неделю, мэм, за две недели до того, как наша группа пришла на занятия. Наверное, она не могла раньше заставить себя поверить в это. Должно быть, она пыталась принять какое-то решение, прежде чем говорить со мной.

Итак, Пирс выжидала. Интересно, зачем? Вряд ли ей понадобилась целая неделя, чтобы уточнить свои подозрения. Наверняка она сразу вспомнила, как Дэйкерс нагнулась что-то поднять, как только услышала, что пропали деньги. Тогда почему она тут же не схватила Дэйкерс за руку? Неужели для ее извращенного сознания было лучше выждать, пока деньги не будут истрачены, а виновник не окажется полностью в ее власти?

– Она шантажировала вас? – строго спросила главная сестра.

– О нет, мэм! – Вопрос поразил девушку. – Она только забирала пять шиллингов в неделю, но это не был шантаж. Каждую неделю она отсылала деньги Обществу помощи освобожденным заключенным. Она показывала мне квитанции.

– А она, случайно, не объяснила, почему не отдавала эти деньги Харпер?

– Она думала, что трудно будет все объяснить, не затрагивая меня, а я умоляла ее не делать этого. Для меня это значило бы конец всего. После того как получу

удостоверение здесь, я хочу пройти фельдшерские курсы, с тем чтобы я могла ухаживать за мамочкой. Если б я получила назначение в сельский район, мы могли бы приобрести там коттедж на двоих, а может быть, и машину. Мамочка смогла бы тогда уйти из магазина. Я рассказала Пирс об этом. И кроме того, она сказала, что Харпер так беспечно относится к деньгам, что этот урок пойдет ей на пользу. Она посылала деньги Обществу помощи освобожденным заключенным, ей оно показалось самым подходящим для этой цели. В конце концов, я могла угодить в тюрьму, если б она не спасла меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Большой ботанический сад в Лондоне. Основан в 1759 г.

2

Добродушие (фр.).

3

Джон Уэсли (1703–1791) – известный в Англии проповедник, основатель методистской церкви.

4

Джон Донн (1573–1631) – английский поэт-метафизик.

5

От balloter (фр.) – качать, качание плотного подвижного органа в среде, его окружающей (т. е. плода в околоплодной жидкости).

6

Любовное письмо (фр.).

7

«Ким» – детская игра (по имени героя романа Р. Киплинга); взглянув на ряд разнообразных предметов, играющие пытаются назвать их по памяти.

8

Олдермен – старший советник муниципалитета.

Купить: https://tellnovel.com/dzheyms_fillis-doroti/tayna-naytingeyla

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити